

**НИЧЫПАР. СКАЗ О БЕСТАМОЖЕННЫХ ВРЕМЕНАХ
И ПУТИ ДАЛЕКОМ, НО ВСЕГДА КОНЕЧНОМ, КАК ПОЛАГАЕТСЯ,
ДА, И НЕ НАМИ ТО ПРИДУМАНО.**
(Road play. Вроде как road movie, только play)

Действующие лица:

НИЧЫПАР – *весь год всё в шапке теплой ходит... из зайца... что про него еще сказать?.. Дальше все ясно станет.*

БАБА СЕРАФИМА – *всё за Ничыпаром приглядывает, не бросает его. Но вместе не живут, время еще не пришло.*

ВАЙФАЯ – *коза бабы Серафимы, ласковая, добрая, последнее от сердца оторвет, раздаст.*

На этом действующие лица заканчиваются, но если еще кто в сказе появится, то я сообщу.

Действие первое, значит.

Поле. За полем еще одно поле, и пока глаза глядят все поля, поля, поля. Справа деревенька, а слева опять поля, поля, поля. Сзади и спереди – снова поля. И солнце палит. Дед Ничыпар тяжело идет, бубнит себе под нос.

НИЧЫПАР. *Хоть ты больше и не просыпайся с четверга на пятницу. Прямо в глаза будильнику плюнь и скажи: «твою-мою-нашу, что ж ты, собака, звонишь, когда уговорились с тобой?». С пятницы на субботу-то сны не вещие, вот бы и спал себе с четверга до субботы, иль до воскресенья, а в воскресенье можно было бы и яичко скушать. Нет, проснулся в пятницу, тудыть его в качелю!*

И сон вещей этот... сбудется... оно аж в голове, как молоточком тюк-тюк - мысля побрякивает, что сбудется сон. Вот тебя, дурака, и понесло... Солнце палит, провианта с собой никакого не взял, почти... Кто ж, Ничыпар, в дорогу дальнюю так отправляется? Иной седой и кудрявчика стоит, а ты-то сед, сед, а ума нет? Цельный день идёшь, а поле все не кончается. Эх, дорога дальняя. Ничыпар - спусти пар, видать Планида твоя такая...

Дед Ничыпар останавливается, улыбается.

Хорошее слово «Планида», красивое... эти его душу мать.

Откуда-то издали слышен голос зовущий: «Ничыпар, Ничыпар». Голос приближается, и тогда это и не голос вовсе оказывается, а баба Серафима, да еще и с козой своей Вайфайей. Дед Ничыпар недоволено сплевывает наземь, старается идти быстрее.

СЕРАФИМА. *Ничыпар, стой! Стой, тебе говорят, погоди!*

Дед Ничыпар старается идти еще быстрее, и еще. Какое-то время баба Серафима гонится за Ничыпаром, но потом останавливается, поворачивается на 90 градусов,

проводя Ничыпар взглядом, а потом еще на 90. Ничыпар, сделав круг, врывается в Серафиму, Вайфая в испуге прячется за её спиной, громко икает.

НИЧЫПАР. Как ты, как ты догнала меня, как обогнала, Серафима? Я целый день шел, без остановки. На ходу курил, чтобы времени не терять... никакого, знаешь, удовольствия от такого курева. А ты меня в два счета догнала.

СЕРАФИМА. Да тебя и мертвый догонит. Ты же, Ничыпар, не мальчик уже, а стар...

ВАЙФАЯ. Ик.

СЕРАФИМА. Шаг-то твой уже давно не вел...

ВАЙФАЯ. Ик.

СЕРАФИМА. Устроил тут, понимаешь, блицкр...

ВАЙФАЯ. Ик.

Серафима и дед Ничыпар смотрят на Вайфая.

СЕРАФИМА. Ты мне козу, что ли, сломал, дурень?

НИЧЫПАР. Икота это. Ей воздуха задержать надо.

СЕРАФИМА. Как ты себе это представляешь? Коза без воздуха! Космонавт она тебе что ли? Давай, говори, чего по кругу ходишь, чего опять удумал?

НИЧЫПАР. Как по кругу?

СЕРАФИМА. Нога-то у тебя правая короче левой, вот ты и кульгаешь всё на правую сторону, целый день вокруг местечка нашего ходишь-ходишь, ходишь-ходишь, ходишь-ходишь, ходишь-ходишь, ходишь-ходишь, ходишь-ходишь, ходишь-ходишь.

НИЧЫПАР. Серафима!

СЕРАФИМА. Не перебивай, четыре круга осталось, я считала. Ходишь-ходишь, ходишь-ходишь, ходишь-ходишь, ходишь-ходишь. Вот, я и подумала узнать, что с тобой на сегодня случилось. У тебя ж, что ни день, то праздник. То ты камням в облака стреляешь, чтобы дождь пошел; то свиней, как во Франции, грибы искать учишь, да так, что они мне всю картошку потоптали; то грамоту новую придумываешь: «как видится, так и пишется». Идет председатель пишешь – дурак. Живешь с тобой, как на пороховой бочке!

НИЧЫПАР. Как?

СЕРАФИМА. На бочке, на пороховой... это когда целая бочка пороха!

Дед Ничыпар мечтательно расплывается в улыбке. Баба Серафима отвечает ему оплеуху.

А ну, выбрось с башки своей! Разулыбался он! И думать не смей про бочку! Подзарвешь еще деревню, к чертовой матери. Куда собрался, плешь ядовитая, я тебя спрашиваю?

Тут Ничыпар, как это в серьезные моменты жизни полагается, шапку свою и снял.

НИЧЫПАР. Ухожу я, Серафима.

Ну, а когда серьезным момент быть перестает, так, значит, и шапку надеть можно, что Ничыпар и делает.

СЕРАФИМА. Вижу, что уходишь, я спрашиваю куда?

НИЧЫПАР. Сон мне приснился. Сегодня. С четверга на пятницу. Сбудется значит.

Тут Серафима, как это в серьезные моменты жизни полагается, косынку с головы своей и стянула.

СЕРАФИМА. Чего приснилось, говори, плешь ядовитая...

НИЧЫПАР. Приснилось, что держать мне дорогу дальнюю, а в конце пути...

СЕРАФИМА. Чего замолчал? Чего в конце пути-то? Говори, окаянный!

НИЧЫПАР. А в конце пути... свет.

Ну, а когда серьезным момент быть перестает, так, значит, и косынку повязать можно, что Серафима и делает.

СЕРАФИМА. В «Энергосбыт» что ли прешься?

НИЧЫПАР. Не поняла ты. В конце пути свет такой, как Божественный, только ярче, как будто...

СЕРАФИМА. Энергосберегающий?

НИЧЫПАР. Да помолчи ты!.. Свет Божественный и родн...

ВАЙФАЯ. Ик.

НИЧЫПАР. Правильно, Вайфая, родник там... там и конец мой.

СЕРАФИМА. И что ты, вот так на смерть свою и идти собрался?

НИЧЫПАР. Сон вещий - противиться нельзя, все равно от судьбы не убежишь.

Видать планида моя такая. Красивое слово планида, а?

СЕРАФИМА. Плюнь, да растери. Мне, вона, в прошлом месяце приснилось, будто Вайфая человеческим голосом заговорила, как муж...

ВЫЙФАЯ. Ик.

СЕРАФИМА. ... ах, ты ж вафельный стаканчик... (*Вайфае*) так ты... целый... ме...

ВАЙФАЯ (*одновременно с Серафимой*). Ме-е-е.

СЕРАФИМА. ...сяц... по огороду бегала... и бе...

ВАЙФАЯ (*одновременно с Серафимой*). Бе-е-е.

СЕРАФИМА. ...зумолку болтала. Ой... ой... да это все ме...

ВАЙФАЯ (*одновременно с Серафимой*). Ме-е-е.

СЕРАФИМА. ... рещится... мерещится, быть такого не могёт. Не могёт такого быть.

Все же и так понимают, что не бывает говорящих коз, вот Серафима смеяться и начинает, да так заразительно, что и дед Ничыпар и Вайфая тоже гогочут, аж слезы из глаз льют.

ВАЙФАЯ. Фух, ажно, сама чуть не лопнула.

Тут-то пауза и настаёт. Долгая такая, звенящая. Но неожиданно, как гром среди ясного неба, баба Серафима...

СЕРАФИМА. Ик!.. Ик!.. Ик-ик!.. Ик!..

НИЧЫПАР. На морзянку похоже... ты чего это, Серафима? (*Вайфае*) У вас это семейное, что ли?.. (*Серафиме*) Воздуху, воздуху удержи!

Баба Серафима глубоко вздыхает, раздувает щеки, задерживает воздух. Ничыпар и Вайфая с интересом смотрят на Серафиму.

НИЧЫПАР. Такое ощущение, что глаз левый из орбиты выйдет...

СЕРАФИМА (*Выдыхая*). Да заткнись ты уже, космонавт! Орбиты ему мерещатся. Вайфая, а ну, скажи еще словечко.

Но Вайфая только глазами своими огромными «блым-блым», и молчит.

СЕРАФИМА. Показалось, что ли? Ладно, на чем мы там остановились-то?

НИЧЫПАР. Хотела ты мне, Серафима, бочку пороху подарить, чтобы я её...

СЕРАФИМА. Какую бочку-то, ты мне зубы не заговаривай! Решил ты к какому-то роднику идти смерть свою принимать, так?

НИЧЫПАР. Так.

СЕРАФИМА. Будто сон вещей, и противиться ему нельзя, так?

НИЧЫПАР. Так.

СЕРАФИМА. А я у тебя и спрашиваю – дурак ты, или не дурак, так?

НИЧЫПАР. Так.

СЕРАФИМА. Вот и отвечай.

НИЧЫПАР. Что, отвечай?

СЕРАФИМА. Тьфу! Да лучше б ты вообще молчал, Ничыпар. Вот какой нормальный человек сам на смерть свою пойдет? Тут, кто в погреб спрячется, кто бежать решит, или в тюленю переоденется, в командировку бессрочную укатит, а ты манатки собрал и пошел, как животная безвольная.

НИЧЫПАР. И никакая я не животная, так как понимаю, что от судьбы, хоть в припрыжку беги, а все равно далеко не ускачешь. Планида, значит, моя такая.

СЕРАФИМА. Что за Планида такая, второй раз уж об ней говоришь? Баба у тебя появилась что ли?

НИЧЫПАР. Да какая баба, скажешь тоже. Планида – это участь, судьба наша, значит.

СЕРАФИМА. Как-то путано ты говоришь, Ничыпар. А только я считаю – сидел бы дома, и никуда не ходил. Приснилось-приснилось, и что из того? Сон – не явь, глаза раззявь. Какой-то ты, Ничыпар, от самого утра странный, чегой-то ты в планиды всякие верить стал?

НИЧЫПАР. Вот если бы с тобой, Серафима, чего такого произошло, вот я бы посмотрел, как бы ты заговорила. Человек он, знаешь, он может судьбу свою изменить, а может и согласиться с ней. Только я по-другому придумал - я решил судьбу изменить, чтобы потом согласиться. Принять, так сказать.

СЕРАФИМА. Да ты, видать, и принял-то с утра уже?

Ничыпар гулко выдыхает Серафиме прямо в нос.

НИЧЫПАР. Стекл, как трезвышко! Ни грамма! С чистой совестью, так сказать, иду, рта не замаравши. И крепко я это, Серафима, решил. И отговорить меня нету никакой возможности. Хоть на старости лет стану непреклонен в выборе своем. Надо, Серафима, надо перед судьбою колени преклонить... а потом бац – мельница, с захватом шеи и одноименной ноги изнутри, и из средней стойки, поворачиваясь налево и приседая, ныряем головой и плечами под тулово противника, выставляем левую ногу в упор, опускаемся на колено правой ноги и, сгибая тулово противника бросаем его с наклоном влево.

Ничыпар «проходит» Серафиме в ноги, пытается побороть ее, но силы уже не те, да и Серафима баба не из легких, так что Ничыпар быстро бросает эту затею и тяжело дыша продолжает.

Короче, побороть судьбу в честной борьбе, и глядя на нее сверху вниз сказать: а вот теперь твой я весь, что хочешь со мной, то и делай!

СЕРАФИМА. Тюкнуть бы тебя в темечко твое плешивое, да помрешь ведь. Жалко... Ладно, решил значит. Только это все, как-то не по-людски получается. Проводить надо.

НИЧЫПАР. Не надо.
СЕРАФИМА. Надо.
НИЧЫПАР. Не надо. Вспомни, как меня, когда в армию провожали-провожали, а на третий день...

Ничыпар, Серафима и Вайфая задумчиво смотрят куда-то вдаль. Пауза.

СЕРАФИМА (вздыхая). Хороший был коровник...
НИЧЫПАР. А горел-то как ладно...
СЕРАФИМА. Но проводить надо. Не спорь. Мы это дело быстро. Сейчас, вон, Вайфаю вперед пушу, пусть бежит в колокол звонить, народ созывать. Давай, Вайфаюшка, беги! Созывай народ!
НИЧЫПАР. Так нет колокола...
СЕРАФИМА. Как нет?
НИЧЫПАР. Я ж в прошлом годе хотел, чтоб на первое сентября в него первоклашка какая звонила, на плечах у председателя...
СЕРАФИМА. И?
НИЧЫПАР. Он жа опять, председатель-то, на второй год остался...
СЕРАФИМА. Не суть! И?!
НИЧЫПАР. Да, когда я колокол снимал, так не удержал его, он с колокольни и...
СЕРАФИМА. И?!
НИЧЫПАР. У нас теперь два по пол колокола...
СЕРАФИМА. Етить твою колотить! Так у нас теперь церква без колокола что ли?
НИЧЫПАР. Год уж как... да только я там рельсу приспособил... батюшке гул понравился... говорит, будем теперь всем приходом на золотую рельсу собирать.
СЕРАФИМА. Ладно. Амнистия тебе раз уходишь. Беги, Вайфая, звони в рельсу – собирай народ!

Побежала Вайфая до самой церкви, по ступенечкам на колоколенку «цок-цок», и в рельсу, ка-а-к «бдзень-бдзень-бдзее-е-е-нь»! А народ-то у нас смышленный в частности разного рода сборов – сразу столы накрывать. Потому как, чтобы не случилось, но хошь-нехошь, а выпить по тому поводу придется.

Побежал народ из домов радостный, кто на ходу топором бреется, кто на бегу рубашку свою белу аж до самых подмышек заправляет, чтоб пятна от селедки, что с прошлой попойки не отстиралось, под ремнем не видно было. А один, а один, как бы это вам сказать... Короче, он на бегу, аж до двадцати одного года дорос... а что – выпить всем хочется!

Тут и столы накрываются, прямо на главной-единственной улице в деревне, «проспект Мира» зовется. Так на домах и пишут: «ул, Проспект Мира». И несет народ все что в погребах для нового года припрятано: икры красной баночка, а в баночке хрен со свеклой тертый; и лук, и яйцо, и самогонки бутылка. И пепельница хрустальная – для драки. И газету последнего номера – руки вытирать. Все собрались, всей деревней, и Ничыпар, и Серафима, и Вайфая, и Председатель, и еще пару человек. Разлили, как полагается.

ЕЩЕПАРУ-ЧЕЛОВЕК. И что мне хотелось сказать. Да, что хотелось сказать? Не перебивай. Ладно, что уж, мы же об одном говорить хотим, о Ничыпаре! Много лет знаю я этого человека со стороны человека... И работника, тоже, про это надо сказать, чего только, как человека, и работник, и труженик ничего, и наймит, так сказать, делатель, еще можно слово применить... Да заканчивай уже, и выпить пора... А ты не подгоняй меня!.. Тебя не подгоняй, так и до второго пришествия не выпьем... А ты вот такой быстрый, да?.. Быстрый!.. Ох быстрый, ты такой быстрый, как утка серит – чвирк, и все!.. А ты бы,

вот это, языка-то не распускал бы, я знаешь, могу и пинка отвесить!.. А ответочку поймать не боисься?.. А что мне тебя бояться, опять по всей деревне от меня бегать будешь... Когда это я бегал?.. Да хоть вчера!.. Вот, собака бешенная, договорились же никому не рассказывать, а ты при всей деревне меня позоришь. А ну пошли выйдем!.. Легко!.. Ну так что ты стоишь, пошли?.. Пошли-пошли!.. Ну так пошли!.. Пошли, а стоишь... Все идем!.. Точно идем?.. Идем-идем, что стал!

Ещепару-человек закатывая рукава уходит.

НИЧЫПАР. Что-то он в этот раз долго... *(наливает себе в кружку морс)* Ну, вздрогнем?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А почему бы и нет?

СЕРАФИМА. А ну-ка поставь стакан.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Чего это?

СЕРАФИМА. Школу сначала окончи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да окончу-окончу. Может я от того что вы за мной сильно приглядываете и не могу ее никак одолеть.

НИЧЫПАР. А как за тобой не приглядывать? Тебя, вона, уже один раз выбрали председателем, а ты оказывается и аттестата не нюхал. Обманул народ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Оно это... в крови у нас что ли, у начальства... да и сами виноваты, чего без разбору в бюллетенях крестиков понаставили? Читать надо было, что у меня образования нету.

СЕРАФИМА. А ты, ирод, указал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Между строк.

СЕРАФИМА. Как дала бы тебе между строк! Крестиков мы ему понаставили... на нас ты на всех крестик поставил!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не правда. Я за вас не голосовал!

НИЧЫПАР. Ладно тебе, Серафима, пусть скажет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спасибо тебе, дедушка Ничыпар... Ох... Волнительно.

Председатель выпивает.

СЕРАФИМА. Ты чего это, некрить? А тост?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разволновался... Раздай-ка, Вайфаюшка, еще.

Вайфая наливает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Уважаемый дедушка Ничыпар, от имени всей нашей деревни, нашего местечка, и от себя лично хотим поблагодарить тебя за твою жизнь, украшавшую наше прозябание. В редкий день, если не хватала тебя за виски магнитная буря, или не выкручивало суставы приближение грозы, ты давал нам покой и равноденствие.

НИЧЫПАР и СЕРАФИМА. Чего?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уже об моем образовании справились, так что нечего больше вопросы задавать. Не перебивайте... В ту секунду, когда я узнал о твоём уходе от нас, сердце мое радостно забилося, но в туже секунду и всплакнуло. И легкий матерок пробежал по всему моему телу и мыслям.

СЕРАФИМА. Ветерок?

НИЧЫПАР. Не перебивай.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Была ли в том матерке радость? И я отвечу – была. Но сколь радостной была моя радость, столь горестной была и горесть моя.

СЕРАФИМА *(Ничыпару)*. Он опять что ли к батюшке на проповедь ходил?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И чтобы скорее, шибче, так сказать, наша горесть превратилась в радость, а радость наша стала одной из описательных черт нашего народа в глазах народов не наших, желаю тебе, Ничыпар, скорейшего возвращения в родные стены, тут лучше сказать – штакетники, нашей деревни!

Председатель выпивает.

СЕРАФИМА. Во нагородил, как на собрании товарищества – ни хрена не понятно, а деньги сдавать нужно.

НИЧЫПАР. Спасибо тебе за слова такие... честные, что ли. Да только отгудать никто еще не возвращался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. За это и выпьем! Раздавай Вайфаюшка!

СЕРАФИМА. погоди, Вайфая, я теперь скажу. Ничыпар, плешь ты ядовитая, портянка ты замусоленная, холодильник ты дребезжащий, конечно, с решением твоим спорить не будет никто. Да только знай ты, что и поддержать тебя никто не хочет. Все меньше и меньше становится нас...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, вырождается деревня.

СЕРАФИМА. И если уж говорить совсем серьезно, то очень буду я скучать, и по доброте твоей, и по придури. И по взгляду ласковому, с прищуром твоим противнющим. Прощай, Ничыпар, да, ты и сам...

Серафима всхлипывает, и стараясь скрыть слезу выпивает.

НИЧЫПАР. Прости ты уж и меня, Серафима. Да и вы все простите.

СЕРАФИМА. Простим, простим, куда уж денемся, Ничыпар, простим.

Вайфая подходит к Ничыпару, обнимает его, раздает себе добрых пол стакана и выпивает.

ВАЙФАЯ. Ме-е-е...

СЕРАФИМА (*подхватывая поет*).

Каво нету – таво девке жаль, да,
Ой, уяжжал мой разьмилай в даль.

Дальше подхватывают и Председатель, и Вайфая.

Уяжжая мой разьмилай в даль, да,
Ой, уяжжая, милай, оставляя, да,
Ой, мне подарок новай, дорогой.

Мне подарок новай, ох, дорогой, да,
Ой, да уж какой жа ета за подарок, да,
Ой, с руки перстень новай, залатой.

НИЧЫПАР. Ты, чего это, старая, какой перстень?

СЕРАФИМА. Дурак ты, и не лечишься. Это в песне так поется, а ты уж удумал, что я с тебя перстень требую... обидел ты меня, Ничыпар...

НИЧЫПАР. Прости, Серафима... чего-то не в себе я сегодня...

Тут неожиданно бас, или баритон слышится из-за угла: «Разопну, ирода, ты чего-то удумал», а тенорок ему отвечает: «А чего это я-то, это все он». И пылюка из-за

угла покатила, а из пыли этой Батюшка за ухо ведет Ещепару-человека. А тот вид имеет совсем уж непотребный, оскорбляющий, так сказать, человеческое достоинство – рубашка порвана, под глазом фингал, под вторым ссадина, видно два соперника у него было – один левша, а второй правша.

БАТЮШКА. Гулянки гуляете? Все песни орете? Сопьетесь! Во грехе, во грехе живете! (указывая на Ещепару-человека) Кто этих вот напоил?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да не пили они, не успели, сразу драться пошли.

БАТЮШКА. И этот тут! Представитель!

ЕЩЕПАРУ-ЧЕЛОВЕК. Он – защитник народа! Избранник. Помолчал бы лучше!.. Помолчали б... хотел сказать...

БАТЮШКА. Сегодня какой повод пить? Ай, что вас спрашивать, вы и без повода пьете!

НИЧЫПАР. Так, морс ведь?

БАТЮШКА. У тебя вижу, что морс, а у этих?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Морс... пшеничный...

СЕРАФИМА. Есть повод, дорогой наш батюшка, есть. Ничыпар в дорогу дальнюю отправляется, смерть побороть, ради жизни вечной.

Пауза

БАТЮШКА. Вечная жизнь мне... нравится. Да и давно пора тебе, Ничыпар, куда-нибудь из деревни нашей ушлѣпать и ныне, и присно, и во веки веков. Надоел, вот те крест!

СЕРАФИМА. Не понял ты ничего. Он на смерть свою идет!

БАТЮШКА. Смерти нет! Ты баба глупая, мелишь языком, а он во рту не для того, чтобы им справа налево болтать.

НИЧЫПАР. Ну, раз и у Батюшки нашего разрешение получил, значит - можно и в дорогу отправляться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. погоди, дедушка Ничыпар, разговор к тебе есть. Давай-ка в сторонку отойдем.

Не успели Ничыпар с Председателем в сторонку отойти, как у того уже и бумага какая-то в руках, и настырно так Председатель бумажонкой этой в грудь Ничыпара тычет, но говорит ласково, заискивающе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты, дедушка Ничыпар, как возвращаться будешь, так привези ты мне асфальту.

НИЧЫПАР. Какую такую асфальту?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да если б я сам знал какую асфальту. Накладная есть, деньгу уж прогуляли давно, а асфальты этой нету. Ежели проверка – так накроют, будь здоров.

СЕРАФИМА. На бабское имя похоже – Асфальта. Я по ящику видала, в Африке ходят такие, сама черна, что ночь, а зубы с глазами в этой ночи блестят, как у зверя лютого!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не, нам такую не надо.

НИЧЫПАР. Ну, если без зубов найду, так к вам отправлю, проверка дело важное, что ж мы, не понимаем, что ли. Ну, давайте прощаться!

БАТЮШКА. Прощай, Ничыпар, ступай с Богом!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прощай, дедушка, ох, как бы не расплакаться...

ЕЩЕПАРУ-ЧЕЛОВЕК. Давай, Ничыпар, удачи!.. А где твоя дача?.. Ха-ха-ха, тышу раз эту шутку слышал, а все смеюсь, ох, уморил!.. Да, коронная моя шутѣха!.. Я бы тебя проводил, Ничыпар, да этого еще до дома дотащить нужно, наклюкался в зюзю... Я еще

нормальный, на себя посмотри!.. Да, и я трезв... Где ты трезвый? Стоишь, за меня держишься.

СЕРАФИМА. Тише. Разгадались! Вот, Ничыпар, подарок тебе, прощальный. Вручай, Вайфаюшка. Это обувь ортопедическая. Хотела на юбилей тебе припасти, да вот, видать, важнее случай нашелся, носи на здоровье!

НИЧЫПАР. Спасибо тебе, Серафимушка, обещаю беречь, да с ноги не сымать. Прощайте дорогие, да не поминайте лихом.

Ничыпар кланяется, жители деревни кланяются ему в ответ, а Ничыпар, не разгибаясь, переобуваться начинает. А у нас оно как принято: раз тебе поклонились – поклонись в ответ, и спины не разгибай, пока первый не поднимется. Так они и замирают наклонившись, ждут пока Ничыпар переобуется.

СЕРАФИМА. Да быстрее ты, шельма, переобувайся, поясница застыла уж.

ЕЩЕПАРУ-ЧЕЛОВЕК. Сейчас, кажись, кровь носом пойдет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А мне надо туфли новые купить, эти запылились совсем.

БАТЮШКА. Скорее, Ничыпар, не люблю я так близко к земле. Я ж все о вознесении мечтаю.

НИЧЫПАР (разгибаясь). Ну, вот и все! Прощайте.

Тут уж Ничыпар кланяется как положено, до самой земли, разгибается. И все с кряхтением разгибаются. Ничыпар уходит. Все смотрят ему в след, долго машут рукой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Опять перепись населения проводить придется. Статистику поправлять.

ЕЩЕПАРУ-ЧЕЛОВЕК. А может и вернется еще. Хотя, кто ж его знает... Типун тебе на язык, все хорошо будет, не загадывай... Да, ладно, молчу-молчу...

БАТЮШКА. Все пути одинаковы – они ведут в никуда. Спроси себя, есть ли у этого пути сердце? Если есть – путь хорош; если нет – он бесполезен. Один путь доставляет радость, и пока ты идешь по нему – ты неотделим от него; а другой путь заставляет тебя проклинать всю свою жизнь. Один путь наделяет тебя силой, другой – лишает ее. Карлос Кастанеда сказал.

Все в недоумении смотрят на Батюшку.

А что? И я почитываю!

СЕРАФИМА. Эх, а сказал-то Ничыпар как красиво: «спасибо, Серафимушка»... Серафимушка... ты беги, беги, Вайфая, хоть до леска проводи его, окаянного, плешь эту, ядовитую, козла этого, безбородого... увальня хромоногого... шмякалку эту, беззубую... развалюху эту, допотопную... ирода ненасытного... хрена этого, тертого... валенка этого, дырявого, соплей перешибленного...

И побежала слеза горькая-тоскующая по щеке Серафимы левой. И побежала слеза соленая-мушесонная по щеке Серафимы правой. И побежала Вайфая вслед на Ничыпаром. А как догнала, так давай вокруг него виться – провожаться, значит. Так они, провожаясь, до леса и дошли. Остановились дух перевести. Закурили. Ну, как закурили... Ничыпар закурил, а Вайфая папироску за ухо заложила. Видать, на обратную дорогу оставила. Сидят себе, папиросничают. Докурил Ничыпар, да стал прокуренной рукой Вайфаю гладить, да приговаривать.

НИЧЫПАР. Ну, что, пришло время и нам с тобой прощаться, ты уж дальше не беги за мной. И не грусти, Вайфаюшка. Так оно всегда бывает. Собак, вона, перед смертью

хозяйева тоже с цепи спускают, чтобы те умирать шли. А у человека что, разве не собачья жизнь? Собачья. Вот и человек должен идти, да смерть принимать. А у вас, у коз, такого не заведено, а?

ВАЙФАЯ. Не-е-е...

НИЧЫПАР. И то правильно, вы же не собаки какие. Ты, вот, лаять умеешь?

ВАЙФАЯ. Не-е-е...

НИЧЫПАР. А охранять?

ВАЙФАЯ. Не-е-е...

НИЧЫПАР. Эх, бесполезная ты животинка, Вайфаюшка, но такая сердечная...

Тут в лесу ветки ломаться стали, а в поле перед лесом трава зашевелилась, а в небе над лесом... а в небе над полем... а в небе... нихренашеньки не произошло, потому как в небе пусто, акромья облаков. И, значит, из неба никто не выходит, а вот из леса, и из травы выходят себе такие мужички: глаза не добрые, зубы скалят, чешутся постоянно, соплю сбежавшую назад в нос втягивают, одним словом – сморчки. Первый, значит, как второй, а второй – как первый. Третий на этих двух похож, а четвертый, как две капли воды на всех троих. Первый со вторым, похожи на четвертого, который, как уже было сказано, как и третий, похож на первого и второго, которые в свою очередь... короче запутался Ничыпар и первому, а может третьему (кто их разберет), в ухо и вдарил!

Первый без разговоров на землю-то и брякнулся! Второй, третий и четвертый переглянулись меж собой, да так же на землю и попадали.

НИЧЫПАР. Чего это вы?

СМОРЧКИ (вместе). По привычке! Мы всё вместе делаем! Братья мы!

НИЧЫПАР. Ясно. А чего хотели?

СМОРЧКИ (вместе). По первое – изловить! По второе – связать! По третьему – ограбить! Во четвертых – смертью лютою изничтожить! Хватай его!

И как вскочат Сморчки со земли, да как накинутся они на Ничыпара, что он только вскрикнуть и успел.

НИЧЫПАР. Беги, Вайфаюшка, беги!!!

Бежит Вайфая, а куда бежать не знает, потому кругом и бежит. А Сморчки уже веревками Ничыпара связывают, хохотом страшным хохочут, чешутся, да соплю одновременно в нос втягивают.

НИЧЫПАР. Беги, Вайфаюшка, в деревню, на помощь зови, не тут я должен смерть свою принять, я во сне всё по-другому видел, потому и спасти меня должны.

Побежала Вайфая в сторону деревни, а Сморчки уже Ничыпара к дереву привязали, уморились, дышат тяжело, а все ж вопросы задают.

СМОРЧКИ. Звать как? Тебя как звать? Родители какое имя дали? Зовут тебя как?

НИЧЫПАР. Ничыпаром меня зовут.

СМОРЧКИ. Ага... Угу... Кхм... Ну, это-ть...

И пауза. Оно в разговоре всегда так, когда сказать нечего, так пауза неловкая и повисает. Переглянулись Сморчки.

СМОРЧКИ. Сколько лет? Лет сколько тебе? Прожил сколько? Давно живешь, в годах это сколько получится?

НИЧЫПАР. Всё что Бог дал, всё и живу.
СМОРЧКИ. Ага... Угу... Кхм... Ну, это-ть...

И снова пауза. Ведь бывает и так, что когда кожа на лице толстая, то через нее интеллект не протупает, это как раз про Сморчков наших. И сказать им особо нечего, хоть и хочется, так что стоят они, только чешутся, да носами шморгают. Тут уж кто по умнее, тот чего и ляпнет невзначай.

НИЧЫПАР. Я представился, а вас как звать?

АГА. Ага.

УГУ. Угу.

КХЫМ. Кхым.

НУЭТОТЬ. Нуэтоть.

НИЧЫПАР. Чего?

АГА. Меня – Ага зовут!

УГУ. А меня – Угу! Этот вот – Кхым, самый недоверчивый.

КХЫМ. А это младшенький наш – Нуэтоть.

НУЭТОТЬ. Ага!

АГА. Что?

НУЭТОТЬ. Да, я не тебя звал, это я так согласился, что меня Нуэтотем(ь) зовут.

АГА. Угу.

УГУ. Что?

АГА. Да, это я не тебя, Угу, звал, это я согласился, что Нуэтотя Нуэтотем(ь) зовут.

УГУ. Кхым.

КХЫМ. Что?

УГУ. Да, ни что! Это я так Ага ответил, что понял, что Нуэтотя Нуэтотем(ь).

КХЫМ. Ну, это-ть...

НУЭТОТЬ. Что?

НИЧЫПАР (*перебивая*). Ясно! Мы так можем и до второго пришествия разговоры разговаривать. Приятно познакомиться, как говорится. Простите, руки подать не могу – связаны. Да, и не очень хочется.

Заулыбались Сморчки радостно, соплю одновременно в нос втянули, правым рукавом вытерли, а левой рукой все бока себе чешут.

АГА. Ага, по делу у тебя руки связаны, значит надо так!

УГУ. Угу, по делу!

КХЫМ. Кхм, первых два пункта выполнили. Осталось ограбить, и изничтожить.

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть, можно и наоборот, сначала изничтожить.

НИЧЫПАР. А что ж грабить-то у меня будете, коль у меня нет ничего? У меня что в кармане, что в животе – пустота.

И тишина образовалась. Пауза, значит. И слышно в тишине этой, как Сморчки носами шморгают, да головы свои с боками чешут, вот только, как с Ничыпаром теперь быть не знают.

АГА. Ага... Как это – нету?

УГУ. Угу, чего это за пустота такая?

КХЫМ. Кхм, совсем пустота, иль хоть маленько все же есть?

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть... Да, поесть бы не помешало.

НИЧЫПАР. Совсем ничего нет. Ни монеты, ни хлеба краюхи, есть штиблеты, да то подарок старухи. (*вытаскивая из-под веревок руку, грозя кулаком*) Я вам, за Серафимину

обувь ортопедическую, головы пооткручиваю (*прячет руку под веревки*)! Так что, хоть ножом меня режьте, а дать мне вам, ребята, нечего.

АГА (*братьям*). Ага... и что же теперь с ним делать?..

КХЫМ. Кхм, тут подумать нужно...

УГУ. Угу, нужно кочерыжку-то напрячь...

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть, бросим его здесь, а сами до дому пойдем...

КХЫМ. Кхм... не, веревку жалко.

АГА. Ага, жалко. Давайте дальше думать.

УГУ. Угу, напряжем извилинку.

Стоят сморчки, извилину напрягают, аж покраснели все. От давления такого в районе головы сопля все чаще из носа выглядывает, вот они и шморгать стали еще чаще. А от напряжения во всем теле оно еще сильнее зачесалось, вот они и чешутся еще шибче. Картина перед Ничыпаром, что ни на есть живописная: стоят Сморчки и чешутся, и шморгают; и шморгают, и чешутся, да только на ум им ничего не идет.

НИЧЫПАР. А чего это вы, Сморчки, из ноздри в ноздрю соплю гоняете?

СМОРЧКИ. Не знаем, с детства так. Не отвлекай. Думаем мы.

НИЧЫПАР. А чего это вы, Сморчки, все бока себе чуть ли не до крови исчесали?

СМОРЧКИ. Не знаем, с детства так. Не отвлекай. Думаем мы.

НИЧЫПАР. А с какого детства это у вас началось? С юнацтва, иль оторочества?

СМОРЧКИ. Да, как мамка родила, рубахи на нас понапялила, так недели с третьей и началось. Маемся, уж сил нет, но ты не отвлекай. Думаем мы.

Прищурился Ничыпар прищуром своим фирменным, в национальном центре интеллектуальной собственности зарегистрированным (там всякую хренотень регистрируют), под нос себе крякнул, да сидит тихонько, улыбается, а сам, такое ощущение, что от радости сейчас из штанов выпрыгнет.

НИЧЫПАР. Ну, думайте, думайте... Только, если захотите не чесаться больше, да соплей не подпоясываться, так к дедушке и обратитесь, может, сможет дедушка этот вас от напасти избавить. Дедушки, они, знаете ли, на свете много пожили, многое знают.

АГА. Ага, если б мы такого деда встретили, так сами бы упросили нас от этой хворобы избавить.

УГУ. Угу, где ж только такого деда взять?

КХЫМ. Кхм, мы вот тоже не мало прожили, да такого деда не встречали.

НУЭТОТЬ. А это-ть разве не дед?

АГА, УГУ, КХЫМ (*вместе*). Какой?

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть!

Тут-то Сморчки на Ничыпара бельма свои и выпучили, стали кругом ходить, да приглядываться, да присматриваться, да притаращиваться... хотя, наверное, слова такого и нет. В общем, рассмотрели они его со всех сторон.

АГА. Ага, дед!

УГУ. Угу, самый, что ни на есть дед.

КХЫМ. Кхм... Староват, что-то для деда.

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть, чем дед староватей, тем, как говорится, лучше!

КХЫМ. Кхм... Это ты что ли тот дед?

УГУ. Угу, похож! Как две капли воды на деда похож!

АГА. Ага, самый, что ни на есть, старый дед! Наверное, даже деда дед!

УГУ. Угу, всем дедам дед.

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть, чё попусту балаболить, пусть лечит от хвороб-то. Спасу уж нет от чесотки этой!

НИЧЫПАР. Так вы, для начала, развяжите меня.

АГА. Ага, щас прям, мы тебя развяжем, а ты утикёшь!

УГУ. Угу, видали мы таких дедов!

КХЫМ. Кхм, очень ты не вызывающий доверия дед.

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть, ты, давай... избавляй связанным.

НИЧЫПАР. А коли избавлю, так отпустите меня?

АГА. Ага.

УГУ. Угу.

КХЫМ, НУЭТОТЬ (*вместе*). Отпустим!

НИЧЫПАР. Только слушать меня во все два уха, приказания выполнять неукоснительно, вопросов лишних не задавать... хотя, в вашем случае, коли что не понятно, так лучше переспросите! Понятно?

АГА, УГУ, КХЫМ, НУЭТОТЬ (*одновременно*). Ага, угу, кхым, ну, это-ть!

НИЧЫПАР. На позицию! С нижнего старта, в полтора корпуса дистанции, короткими перебежками, минуя преграды, раз-два, ать!..

*И так загорелся Ничыпар новым положением своим командным, что от радости аж глаза закрыл, руками машет, присвистывает, то как конница скачет изобразит, то как оркестр играет, то танком, али трактором трындычит!
Смотрят на него Сморчки, а что делать никакушеньки понять не могут.
Дождались пока Ничыпар не остановился.*

АГА, УГУ, КХЫМ, НУЭТОТЬ (*через паузу, одновременно*). Так, а делать-то что?

НИЧЫПАР. А... заигрался, маленько. Слушайте сюда! Значит ты, Ага, бегишь на полянку, что за теми деревцами, расчищаешь ее, да кострище огромное готовишь, распаливаешь!

АГА. Ага!

НИЧЫПАР. Ты, Кхымка, притащи нам из лесу чан огромный, самый что найдешь большой, да на огонь ставь!

КХЫМ. Кхм, это где же я в лесу-то чан найду?

НИЧЫПАР. Это уж дело твое, порыскай, где туристов больше, ты их по мусору найдешь. Так вот у туристов чан этот и сопри. Ты, Угу, в этот чан воды натаскай, да только, где почище бери, не из болота, а из речки, что на том краю леса!

УГУ. Угу!

НИЧЫПАР. Ну, и ты остался, Нуэтоть. Для тебя особое задание, ты вроде, как самый смысленый, хоть и младшенький.

НУЭТОТЬ (*засмуцавшись*). Ну, это-ть...

НИЧЫПАР. Ты, значит, весь лес облазь, да принеси нам полыни веник, петрушки пучок, мяты вязанку, молочая охлопок, да пижмы узел. А, еще веничков березовых приготовь... четыре штуки. Как все соберешь, да вода в чане нагреется, так всю траву туда и кидай. Усёк?

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть... веника узел, да пучок вязанки. Разберемся.

НИЧЫПАР. Ну, тогда за дело!

Ох, и бросились же Сморчки за дело, да так, что только пятки их засверкали, будто сверчки стробоскоп передразнивают. Красота в лесу, ну, неопикуемая. Распутался Ничыпар из веревок, на ближайший пенек сел, закурил.

НИЧЫПАР. Вот ведь натура человеческая, даже для себя все из-под палки делает. Пока носом не тыкнёшь, будет ходить, как мать родила, ни мысли тебе, ни разумения,

только из ноздри текёт. А тут ведь, всё что и нужно, так это одной извилиной о другую брякнуть, так искра идеи сама воспламенится!.. Да, еще и за миром понаблюдать полезно, как в нём что устроено, как люди дело делают. Ты подсмотри просто за умным человеком, тебя за это дело не накажут. Лучше на чужих ошибках научиться, чем на своих шишках.

А в это время за спиной Ничыпара, прям на той полянке, что за деревьями, какой только кавардак не происходит. Ага - кострище распалил, Кхым - чан огромный прикатил, Угу - воды натаскал, а Нуэтошь - все травы, что Ничыпар наказал собрать, в чан-то этот и закинул. Не успел Ничыпар докурить, папироску притушил, присел у дерева, да снова веревками обвязался. А тут уж и Сморчки с полянки возвращаются.

НУЭТОШЬ. Ну, это-ть, дедушка, вроде, и готово всё!

НИЧЫПАР. Точно всё?

АГА и УГУ (одновременно). Ага, Угу!

КХЫМ. Кхм, обижаешь, дедуля, все, как сказывал сделали. Да только что-то чесаться не перестали, и сопля всё бегит из носа и бегит.

НИЧЫПАР. Ну, тогда раздевайтесь, да в чан прыгайте!

Как стали братья раздеваться...

НИЧЫПАР. Эй, эй, да не тут же! Не хочу я на срамоту вашу глядеть. Идите, вон, за сосенки, поближе к чану. Там и раздевайтесь. Как в чане отмокните маленько, так веничками друг дружку и отходите, пропарьтесь хорошенько, опосля водицей чистой друг друга окатите. А как вода в чане закипит, так там уж, и одежду свою застирайте, да так, чтобы все шовчики, все складочки, чтобы ни одна вошь не выжила!

СМОРЧКИ. Ага... Угу... Кхм... Ну, это-ть...

Побежали Сморчки в импровизированную баню. И тут уж такая злость берет меня, ведь баня должна быть не импровизированной, а самой, что ни на есть, настоящей, но для Сморчков и такая сойдёт. Плещутся Сморчки в чане, веничками друг дружку колотят, брызгаются, да звуки издают такие, что человек, только в редкие секунды блаженства их из себя выпускает, так как блаженство состояние редкое, и, так сказать, вне блаженства звуки эти извлечь из себя нет никакой возможности. Поэтому среди звуков блаженства нет-нет, а матерок у Сморчков проскальзывает. А Ничыпар опять веревки скинул, на пенёк снова присел, видать докурить решил.

НИЧЫПАР. Ну, пусть узнают, каково это. Оно, может, и правильно, что они только сейчас это на себе испытывают, потому как радость познания, она, в любом возрасте счастье тебе доставляет, а тут еще и здоровье, и санитарию, так сказать, охрану и поддержание общественной чистоты и здоровья населения.

И все же интересен человек в дурацких проявлениях своих, ну, это я имею ввиду, когда, как ребенок чему-то радуется. А радость, ведь, чувство детское, оно от детства самого с нами шагает, и оттого нужно беречь его. Охранять. Не всегда её показывать, да и не всякому, потому как есть и те, с кем зависть от детства рядышком идет, а то и несет по жизни человека в лапах своих. От таких людей нужно фигу в кармане держать, или булавку на резинку трусов пришпандорить, но это опасно... по себе знаю.

Тут глядишь Сморчки уже рубахи свои со штанами на ветках развешивать стали. Притушил Ничыпар папироску снова, у дерева присел, да веревками обмотался. А из-за сосенок уже и Сморчки выходят, срам вениками березовыми прикрывши. А сами-то, как пирожки из печки – румяные, пригожие! Волосы большие не колтунами торчат, а

причесаны аккуратно, румяные все, да так от них чистотой и пышет, что и таблички не нужно «порошок не входи». Ни тебе ни насморка, ни воши окаянной.

НУЭТОТЬ. Ну, это-то, дедушка Ничыпар, ну, это-ть ты здорово придумал.

АГА. Ага, как будто заново родились!

УГУ. Угу, сопля не бежит, пузо не чешется.

КХЫМ. Кхм... Кхм... Кхм... и сомнительного сказать нечего! Спасибо, дедушка Ничыпар.

НИЧЫПАР. Ну, вот и ладушки! А теперь, давайте, отвязывайте меня, как и обещали.

Отвязали Сморчки Ничыпара, и только хотели в ноги ему с благодарностью поклониться, как на поляну вбегают баба Серафима, и Вайфая за ней, куда ж без неё. От вида такого Сморчкового, баба Серафима ненадолго в ступор впала, а после, по старой традиции...

СЕРАФИМА. Ик... Ик... это, что это?.. Ик... Это кто кого тут... ик... спасать должен... Ик... это кого тут, Вайфая, веревками связали, да смертью лютою изморить хотели?.. Ик... ик...

НИЧЫПАР. Спокойно, Серафима. Понимаю, что сложно это все объяснить, но я все же попробую.

СЕРАФИМА. Тьфу, заткнись, плешь ядовитая. Сама вижу, что тут происходит. (Сморчкам) Что, салаги, обул вас дедушка в карты? Расписали пульку, что аж без порток остались?

НИЧЫПАР. Да, что ты, Серафима, не играли мы! Ты же знаешь, мы как в прошлом годе с Председателем годовой бюджет деревеньки нашей Батюшке проиграли, так я больше за стол не сажусь. (Сморчкам) Вы, пока пойдите оденьтесь, на ветерочке просохло, наверное, всё.

Только ушли сморчки за сосенки, как баба Серафима схватила Ничыпара за горло, да давай его поливать...

СЕРАФИМА. Ты, что же это, паскудник, тут устроил? Я для тебя бегом бежала, чтобы спасти его, а уж если не спасти, так хоть волю его предсмертную услышать, а уж коли не волю, так хоть над телом заиндевевшим слез полить, а он стоит тут как ни в чем не бывало.

НИЧЫПАР. погоди, Серафима кричать. Ты чего ж одна на помощь пришла, а где все остальные?

СЕРАФИМА. Ну, с Батюшкой понятно, он человек не конфликтный, Ещепару-Человек, каску сам с собой не поделил, подрался, теперь лежит за амбаром в отключке. А Председатель не военнообязанный, у него до седьмого колена в семье все плоскостуны.

НИЧЫПАР. Кто?

СЕРАФИМА. Те, кто плоскостопие придумали, чтоб от армии отмазаться. Вот я одна с Вайфаюшкой и прибегла тебя спасать. А тебя уж и спасать не нужно.

НИЧЫПАР. Не нужно, Серафимушка. Я тут как-то сам всё разрешил. Коли человеку добро, то и он к тебе с добром. Пока, кажется, этот закон работает на свете.

СЕРАФИМА. И слава Богу! Все, Ничыпар, я больше от тебя ни на шаг! Проведу тебя, а там уж и поглядим, что дальше делать.

НИЧЫПАР. Так ведь...

СЕРАФИМА. Всё, сказала! И не смей мне тут спорить! Проведу, а там дальше решим. А то сам и не дойдешь до смерти до своей, так лучше я доведу.

Ну, и что ответить Ничыпару на заявления такие? Понятно дело, что нечего. А Сморчки наши рубахи чистые понадевали, штаны понапяливали, да теперь красоваться вышли перед Ничыпаром и Серафимой. Оглядела их Серафима, да молвила...

СЕРАФИМА. Вот теперь красавцы, вот теперь вижу, что вы ребята хорошие, пригожие, тьфу, жаль помрёт. А что? Все помрут.

НИЧЫПАР. Что-то ты, Серафима, не того говоришь... молодежь поддержать нужно, дать, так сказать, вектор движения!

АГА. Ага, хорошее слово, и животному приятно. Вы посмотрите какой у нас Угушенька стал – стройный, как кипарис.

УГУ. Угу, а Кхмырик-то наш, широкоплечий, как богатырь какой!

КХЫМ. Кхм, ладно-то я, а вот Нуэтоть, посмотрите, так такой светлицей, что любая баба за него любую бабу, как говорится, в узел завяжет.

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть, а Агашенька, Агашенька, как, ну, это-ть... забыл, как кто, но тоже хорош, тоже красив.

СЕРАФИМА. Все вы хороши, братцы, только вот разбоем промышлять прекращайте! Не красиво красивым хлопцам разбойничать.

СМОРЧКИ. Ага... Угу... Кхм... Ну, это-ть... Не будем. Только чем же кормиться нам?

СЕРАФИМА. А вы и так уж морды понаели. Попоститесь малёк, боровята, а там если что, то к нам в деревню приходите, у нас Председатель добрый, всем работу найдет!

НИЧЫПАР. Да, вон на сельсовете вакансии развешаны были. Текучка в деревне большая, так что Председателю сейчас все нужны, и крупье, и бармен, и барберы, и фрилансер, чтоб Председателевый instagram вести.

АГА. Спасибо за науку и помощь вам, и дедушка Ничыпар, и баба Серафима, и...

СЕРАФИМА. Вайфая ее зовут!

АГА. И Вайфаюшка! Ты хоть и животное, но видно, что больно душевная.

НИЧЫПАР. Да, какая уж она животная, она ж у Серафимы, как член семьи.

Обняла тут Вайфаюшка всех братьев на радостях, в ножки им поклонилась, да протянула им бутылочку.

СМОРЧКИ. Ага... Угу... Кхм... Ну, это-ть... Что это?

СЕРАФИМА. Это она вас молочком своим угощает, очень полезное молоко, козье, и от простуд, и от инфекций ушных!

НИЧЫПАР. А чтобы ни простуд, ни инфекций, так вы и про баньку не забывайте! Нет-нет, а на воскресенье взяли, да попарились, и век здоровыми будете! Прощайте, братья...

СЕРАФИМА. И ведите себя хорошо! Я баба шустрая, приду – проверю!

АГА. Ага... прощайте!

УГУ. Угу... спасибо, еще разок!

КХЫМ. Кхм... жаль расставаться с вами!

НУЭТОТЬ. Ну, это-ть... Бог даст, так свидимся еще!

Обнялись они все напоследок, и пошли Ничыпар с Серафимой да Вайфаей дорогой своей. А братцы свою дорогу искать стали – честную!

Вечереет в лесу. Тишина, только, где-нигде, да когда-никогда, пичужка в ветвях запоем, а другая ей ответит, так они в любовь и играют. И тропиночка узкая, как у нас говорят одноколейка, вот и идут Ничыпар с Серафимой плечом о плечо трутся, да смущаются. А Вайфаюшка впереди бежит, чтобы не мешать атмосфере такой, полюбовной.

СЕРАФИМА. Чего это ты, Ничыпар, всё жмётся-то ко мне?

НИЧЫПАР. Ничего не жмусь, так, только... рядом стараюсь идти... охраняю.

СЕРАФИМА. А мне прям чего-то кажется, что жмётся-то, старый.

НИЧЫПАР. Перекрестись, если кажется. Чего ты?

СЕРАФИМА. Я-то ничего, а ты чего?

НИЧЫПАР. А я так совсем ничего...

СЕРАФИМА. А мне кажется, что чего-то ты.

НИЧЫПАР. Чего это тебе все кажется, что я чего-то?

СЕРАФИМА. А вот того чего-то и кажется, что ты чего-то и покраснел, чего-то.

НИЧЫПАР. Наверное, давление, чего-то.

СЕРАФИМА. Ишь, чего-то и давление... а с чего-то?

НИЧЫПАР. Что ты пристала ко мне...

СЕРАФИМА. А чего? Говорить-то чего-то надо, вот, про давление поговорим. Что, Ничыпар, кровь-то прилила, чего-то?

НИЧЫПАР. Прилила, чего-то! Что тут не понять, не мальчик уж, цельный день на ногах.

СЕРАФИМА. Не мальчик, Ничыпар, ох, не мальчик!

Тут Ничыпар аж остановился, в сердцах так, резко!

НИЧИПАР. Тебе чего-надо-то от меня? Чего ты пристала, Серафима? Ясно дело, что не мальчик! Иду, вот, рядом с тобой, чего еще надо? Что ты все вопросыки, да с подковыркой, задаешь? Всё уличить меня в чем-то хочешь? Так ты скажи прямо, чего юлишь? Так нет! Всё бя-бя-бя, да бе-бе-бе! Разводишь тут романтизм!

Посмотрела Серафима на Ничыпара обиженно, да так откровенно, что даже Вайфая на задние свои копытца привстала от удивления.

СЕРАФИМА. Плешь ты, Ничыпар, ядовитая. Никакой от тебя лас... слова ласкового не дожدهшься. У тебя, может, планида – умирать идти. А у меня, видать, планида – всё обиды от тебя терпеть, да смотреть преданно. Тьфу, ты, огрызок...

Повернулась Серафима, и пошла дальше, голову опустивши. А Вайфая укоризненно так на Ничыпара глянула, копытцем передним себе по лбу постучала, да...

ВАЙФАЯ. Бе-е-е!..

НИЧЫПАР. Бестолочь, я бестолочь... знаю, Вайфаюшка, да только не дети мы уж в эти игры играть.

ВАЙФАЯ. Ме-е-е!..

НИЧЫПАР. Места и я себе не нахожу... да только, как же это я к ней-то...

ВАЙФАЯ. Тьфу...

Только хотела Вайфая за Серафимой бежать, да только Серафима сама из лесу, как ошпаренная выскакивает, да кричит благим... да кричит трехэтажным... да кричит испуганно, что есть мочи.

СЕРАФИМА. Медведь... чудище... страшилище... чипекве... голосом страшным рычит, вот послушайте!

Тут от рева страшного аж березки согнулись, да листья молоденькие с них посыпались. Только рев этот уж больно странно звучит: «Ай-яй-яй-яй-яй, Ой-ёй-ёй-ёй».

А дальше продолжение, которое вообще только знаки вопросов ставит: «Дурачина я, дурачина, голова два уха. Сам же, сам же в свою же попал, сам же в своё же наступил». Вот и думай теперь, что там в лесу произошло.

НИЧЫПАР. Это что же получается? Чудище в своё же наступил...

СЕРАФИМА. И сам в свою же попал...

НИЧЫПАР. А может, он сначала попал, а там и наступил?

СЕРАФИМА. В любом случае, в беде чудище.

НИЧЫПАР. Надо бы помочь.

СЕРАФИМА. Окстись, кто ж чудищу помогает?

НИЧЫПАР. Всем помогать нужно, кто в беду попал, и чудищу, и чипекве. А-ну, идем. Я первый, а вы уже, кто как знает.

Заходят Ничыпар с Серафимой в чащу непролазную, за ними Вайфая опасливо, а в чаще сидит Охотник, двумя руками за голову держится, одну ногу раскинул, как ему удобно, а вторую в капкан зачем-то сунул. Сидит и ревет голосом страшным.

ОХОТНИК. Ай, ты дурак, ай, ты истукан-переросток, сам же виноват, пустоголов-раззява. Как же теперь с одной ногой-то... теперь тебя и ежик переборит, дуболом-дуботряс.

НИЧЫПАР. Чего орешь-то так, божий человек?

ОХОТНИК. Да, какой я божий человек, я ж межеумок чугунный.

НИЧЫПАР. Ну, это ты, как хочешь, так к себе и обращайся, а орешь-то чего?

ОХОТНИК. Сам силки да капканы ставил, сам и угодил. Разве не дурак я после этого?

НИЧЫПАР. Дурак.

ОХОТНИК. Вот от этого и переживаю.

НИЧЫПАР. А на кого капкан?

ОХОТНИК. На волка.

СЕРАФИМА. А волк тебе зачем? Его же в пищу не берут. Охотился бы на птицу, иль на зайца, на малину лесную можно охотиться, на гриб. А на волка, знаешь, опасная охота получается. Можно и самому у него в добыче оказаться.

ОХОТНИК. Оказался уже. Капкан этот хуже волчьей пасти. Уй-й... больно то как...

НИЧЫПАР. Вот и побывал в волчьей шкуре. Давай-кась, помогу тебе.

Сел Ничыпар рядом с Охотником, взял палку что покрепче, покряхтел маленько, посопел, да капкан и открыл. А как открыл, так его и захлопнул, а как захлопнул, так его и подальше в чащу забросил.

НИЧЫПАР. Вот и все. Серафима, дайка платок свой ногу ему перевязать.

СЕРАФИМА. Не много ли будет?

НИЧЫПАР. Давай-давай, не скупись, от тебя не убудет. Найду я тебе новый платок.

Сняла Серафима платок с головы, да Ничыпару и отдала. А тот подорожника сорвал, еще травичку какую-то, к ранам приложил, плюнул сверху, да платком обмотал. И сразу по лицу Охотника понятно стало, что полегчало ему и в состоянии физическом, и духовном.

ОХОТНИК. Я уж думал, что помру здесь. Уж думал, что не найдет меня тут никто...

СЕРАФИМА. Акромя волка.

ОХОТНИК. Волка я больше всех боялся, у меня с ним давно отношения не того... Как представлю себе, что лежу я в своем же капкане зажатый, и тут волк приходит, и

давай надо мной смеяться. Очень от этой мысли мне не по себе становилось. А если б он еще и водить другого зверя ко мне стал, да меня за деньги ему показывать, совсем бы со стыда сгорел. Я же тут в лесу много дел наделал... вот смотрите...

Тут Охотник из-за пазухи достает карточки фотографические, да давай Ничыпару с Серафимой их показывать.

На этой я из Волкова тестя шапку сделал, а муфту из Волковой тещи. Но за тещу он не шибко на меня обиделся, чего-то не клеилось там у них. Тут вот я бобровую платину лосинными рогами разрушаю, а бобрята плачут, вон там, за деревом, а лось, видишь, упирается как. На этой вот я кукушкины яйца назад в кукушкино гнездо подкидываю... подкидываю, да не ловлю... Тут я зубра голыми руками за... это вот... трогаю... но, тут уж не по своей воле, зубр, просто, сильнее меня оказался... А вот на этой...

Не выдержал Ничыпар такого зрелища, да, как зарядит он Охотнику прямо в ухо.

НИЧЫПАР. Что же ты, поскудь, чем же ты тут бахвалишься? А-ну, Вайфаюшка, принеси-ка мне назад этот капкан, я его ему на голову надену.

СЕРАФИМА. Он мне чего-то сразу не понравился. Глаза уж больно поросячьи, сразу видно, не охотник, а развратник какой-то. Зря только платок на него извела.

ОХОТНИК. Погодите. Погодите, вы с капканом-то. Что же по-вашему, человек и на путь исправления стать не может? Я за эту ночь, пока в капкане сидел, многое передумал, а карточки вам показал, так как существует во мне, как в любом охотнике некоторая кичливость и заносчивость.

СЕРАФИМА. Хвастун ты, и пустомеля.

ОХОТНИК. Согласен. Да, только не всё же сразу. Как говорится, каждый день по капле выдавливай из себя хвастуна. Не все же сразу, люди вы мои хорошие. Я вот и карточки эти изорву, так как понял я за эту ночь, как себя зверь чувствует в капкане-то этом. И главное слово тут – чувствует. И у животного чувства имеются все, какими и человек наделён. А с хвастовством я справлюсь.

НИЧЫПАР. Ну что, поверим ему, ребята?.. Что-то прям Дедом Морозом себя почувствовал... экая неловкость...

Тут Вайфая подошла к Охотнику, да и обняла его. Поверила слову его, значит.

СЕРАФИМА. Вот, Ничыпар, видишь, как Вайфая его обняла. Животное сердце немножко от нашего отличается, оно в миг всю ложь да вранье чувствует, а значит правду наш Охотник сказал... тьфу ты, чего это я уже, как Снегурочка заговорила? Короче так, гражданин Охотник, поднимайся, да ступай на все четыре стороны исправления. Амнистия тебе, благодаря Вайфаюшке.

ОХОТНИК. Спасибо тебе, Вайфаюшка, козочка ты великодушная. Давай-ка на память с тобой фотографию сделаем?

ВАЙФАЯ. Бе-е-е...

НИЧЫПАР. Безусловно! Пусть эта фотография тебе, как постоянное напоминание будет!

Сфотографировались они все на память, да давай расходиться по своим делам-заботам, только... не может охотник на ногу покалеченную ступить, хоть и о ружье опирается, да хромает уж больно сильно, да скулит тихонько.

НИЧЫПАР. Тебе, Охотник, далеко ли до дома идти?

ОХОТНИК. Это смотря откуда считать.

СЕРАФИМА. Отсюда и считай, дубина.

ОХОТНИК. Отсюда... как из лесу выйду, то, до вечера направо иду, потом полем до медвежьего лога, как лог перейду, так там уже и до электрички рукой подать – часов шесть, и на электричке часа полтора.

НИЧЫПАР. Ясно всё... Ты... это... Серафима... не серчай только. Ему нужнее сейчас, да и я всю жизнь босой, так и смерть босым встретить нужно.

Снял Ничыпар с ног своих обувь ортопедическую, что Серафима подарила, да Охотнику протянул. А Серафима, это действие увидавши, только развернулась, да пошла молчком обиженно. И Вайфая за ней.

НИЧЫПАР. Да бери ты, чего смотришь, итак, видишь, разлад случился. Бери, тебе нужнее, она хорошая, ортопедическая.

ОХОТНИК. Спасибо. Я знаешь... я тебе их назад вышлю, с фотографиями новыми, с закатами там, али, как олененок мамкину сиську сосет, или как трава росой блестит. Ты только адрес скажи.

НИЧЫПАР. Да нету там адреса... странная вещь – все там будем, а адреса этого никто не знает. Прощай.

И ответа не дожидаясь пошёл Ничыпар дальше ногами босыми, то на шишку наступит, то в крапиву влезет, но приятными эти ощущения ему кажутся, поэтому он этих шишек да крапивы даже и не чувствует под ногами своими. Не идет, а как будто парит над землей, но не высоко так, сантиметра три-четыре, на пол папироски от земли, как у нас говорят...

Быстро Road play сказывается, да и... усталость сказывается, и дорога дальняя. Так что удумал Ничыпар привал сделать, передохнуть маленько. Только для этого нужно сначала Серафиму с Вайфайей нагнать. Только вышел из лесу Ничыпар к берегу реки, глядь, а Серафима ждет его, как Аленушка с картины Васнецова. Вайфая таким строением тела не обладает, так что согнуться-закручиниться так не может, но тоже ждет. Подошел к ним Ничыпар. Сел и молчит. Долго они так молчали, пока...

НИЧЫПАР. Платок, вот, тебе обещал. Держи... ну... да... не смотри так... могу ответить, чего раньше не дарил... стеснялся...

А Вайфая, егоза эдакая, как усмехнется в голос, да в сторонку и отбежала, будто ничего не слышала, будто травку пощипать. И снова Ничыпар с Серафимой молчат.

СЕРАФИМА. Вот и душа же ты Ничыпар... и зараза бесючая... Тюкнуть бы тебя в темечко, да помрешь ведь... жалко...

А волны на реке будто убаюкивают...

НИЧЫПАР. Думал, как наедине останемся, так и подарю... да все как-то не оставляла нас жизнь наедине...

А ветерок всё с волной играет... ласково...

СЕРАФИМА. Иногда, хочется тебя вот этими вот руками удушить, чтобы хоть на прощание тебя...

В такие моменты нам бы отвернуться всем в сторонку, чтобы не смущать людей-то. Да не все из нас такие тактичные, чтобы в людских отношениях разбираться,

бывают и такие хамы, что в такие моменты, чуть ли не в рот заглядывают. А бывают и того хуже: как выпрыгнут, и давай к людям приставать. Вот на тую беду к берегу лодка и причалила, прямо около наших героев, да оттуда-ть, такой вот хамоватый и выпрыгнул.

ВОЛК. А! Вот! Что! Всё! Приехали! Стоп! Опа! Сейчас! Я! Я! Вас! Опа! А?! Ха! Ау-у-у!!! Всё! Всем! Каюк! Да! А! Ау-у-у!!! На! Шел! На! Шел! Нашел! На-ко-нец-то на-шел!

СЕРАФИМА. Чего это? Что-то я слепа без очков, да в сумерки-то. Ничыпар, кто это?

НИЧЫПАР. Волк.

СЕРАФИМА. А чего он с вилок капусты?

НИЧЫПАР. Поди разбери... Вайфаюшка, не бойся, иди ко мне. А ты, Серый, чего орешь?

ВОЛК. Я! Ору!.. Не! Я! Не! Ору! Я! Вас! Сейчас! Ау-у-у!!!

НИЧЫПАР. Чего, ау-у-у-то?

ВОЛК. Съем! Я! Вас! Съем!

НИЧЫПАР. Это за просто так, что ли?

ВОЛК. Нет! Всё! По!.. Не по! А по-чест-но-му! Мы! Сейчас! С вами! С вами сыграем! И! Я! Вас! Съем! Как! Как?.. Как! Пить! Дать! Съем!

СЕРАФИМА. А вот что играть будем? Этому в карты нельзя. Мне можно, да я в любовь верю. Вайфае тоже нельзя, так как она верующая!

ВОЛК. Не в кар-р-р-ты! В забаву! Нар-р-родную! У-у-у вас коза! У-у-у вас стар-р-рик! Ау-у-у меня! Капуста! Лодка! Тот берег! Тот берег перепр-р-равляться! Съем! Съем! Клац-клац!

НИЧЫПАР. А ну-ка, растолкуй для особо непонятливых.

ВОЛК. Дано! Дано Волк! Это я! Дано коза! Одна пор-р-рция! Капуста дано! Вилка! Одна! Один! Ау-у-у! Задача! Задача! Ау-у-у!..

СЕРАФИМА. Давай, видать, я быстрее расскажу. В общем так, Ничыпар, этот Волк, видать, болезный, видишь, как из него экспрессия-то прет, может он и не спал уже неделю.

ВОЛК. Не! Лзья! Спать! Задача! Решить!.. Не! Решить! Съесть! Съесть! Клац-клац! Ау-у-у!!!

СЕРАФИМА. Не перебивай. Так вот. Ты – старик! Тебе нужно перевезти через реку Волка, Вайфаю и капусту.

НИЧЫПАР. И не нужно мне это совсем.

СЕРАФИМА. Нужно. Иначе нас всех Волк съест.

ВОЛК. Съем! Съем! Как! Пить! Дать! Съем! Клац-клац! Ау-у-у!

СЕРАФИМА. Так вот, Ничыпар, вся беда в том, что в лодке можешь поместиться только ты, а с тобой или один Волк, или одна Вайфая, или одна капуста. Но если оставить Волка с Вайфайей, то Волк её съест, а если оставить Вайфаю с капустой, то она съест капусту. Задача. Как ты, Ничыпар, должен перевезти весь груз, чтобы все остались целы?

ВОЛК. Иначе! Я! Вас! Всех! Съем! Съем! Скорее бы! Клац-клац!

НИЧЫПАР. Ага... понял задачку... интересно... ну-ка, давай, Волк, прыгай в лодку! Повезу тебя на тот берег!

ВОЛК. Ау-у-у!!! Уже! Уже неправильно начал! Скоро я вас всех! Клац-клац!!!

НИЧЫПАР. Ну, это мы на том берегу увидим, правильно или нет! Давай прыгай в лодку! Давай, не стесняйся.

ВОЛК. Ха! Скоро! Скоро! Я! Вас! Всех! Ау-у-у!!! Рад! Рад! Съем! Съем! Всех! Всех!

Запрыгнул Волк в лодку, зубами клацает, радуется. Ничыпар лодку от берега оттолкнул, быстро сам в неё забрался, и на весла. Гребет и насвистывает, что-то такое жалостливое, а Волк всё радуется, всё клацает, контрастирует, так сказать, с

Ничыпара настроением. А Серафима стоит у берега, и только что подаренным платочком им во след машет, покуда они из вида не исчезли.

СЕРАФИМА. Вот тебе, Вайфаюшка, и доля бабская. Как солнечный зайчик, только накроешь его рукой, а его там уже и нет. Как радуга, сколько не идешь к ней, а дойти не можешь. Как пенсия, только выйдешь на неё, а тут уж и помирать пора... И ведь по всей земле-матушке бабы одним и тем же страдают... дуростью... кокетством... бывало по молодости подпалишь избу, и туда-сюда, туда-сюда, как бы невзначай коромыслом его по башке, а он и бровью не ведет... у коровы, аль у кобылы роды принимаешь, а тут он мимо идет, и ты вся уже хохочешь, такая, глазками стреляешь. А помню как-то курице голову отрубил, она по всему огороду скачет, кровью брызжет, а я гляжу, он на заборе сидит – смотрит. Ну, я и давай как бы с этой курицей вальсировать... дура, я дура... дуры, мы дуры, бабоньки... ведь на всю жизнь полюбляем... на всю жизнь... и сейчас вот, как ни взгляну на него, так сердце и ёкает, так и ёкает... иль тахикардия это... и ведь бывало, что решишь: всё, надоело, тебя ёлупня, ждуть, выскочу за другого, чтобы ты локти потом себе искусал... а потом... глянешь, на этого другого... э, нет, не хочу я этому другому всю жизнь отравлять, хочу тебе, любимому... И подушка эта, мокрая постоянно, каждое утро мокрая... как приснится, так всё... не унять просто... потекли... слюни...

Тут и Вайфаюшка воспоминаниями прониклась, «мекает» себе горестно, «бекает». О своём, о козьем горюет, Серафиму обнимает. Да, только завидели они, как Ничыпар на лодке назад возвращается.

Всё, всё, моя хорошая, не плачь, не гоже, чтобы мужики слезы наши видели. Давай-ка я тебя оботру. Вот так, моя хорошая. Улыбайся.

Причалил Ничыпар, из лодки выпрыгнул, как красный молодец, только с радикулитом. Вилочку капусты подхватил, на одной руке его меряет.

НИЧЫПАР. Пойдемте, дорогие, щей наварим, поужинаем, да спать ляжем.

СЕРАФИМА. А Волк как же?

НИЧЫПАР. Да пошел он нахрен, этот Волк. «Съем-съем». Пугать он меня вздумал. Хай, сидит там, на том берегу... воет.

Тут и конец первого действия настает.

Антракт, значит.

Тут вот, пока антракт, вас тоже чем-то поразвлекать нужно. Не все же в антракте в буфет идут, или, простите, в уборную. Некоторые и в зале остаются. Так что расскажу-ка я вам историю, которая с дедом Ничыпаром произошла, когда его и дедом не звали. Хотя дедом его звать стали рано, лет так с семи, а может и шести. Или лучше эту историю и рассказать, как дедом звать стали?.. Ну, ладно. Про деда, так про деда.

Было, значит, Ничыпару лет семь, или шесть, того уже никто и не помнит. Он, как всегда, рано утром встал, краюху хлеба сахаром посыпал, трущит сидит. В сухомять. Заходит дед его, Ничыпара, значит, и говорит: чего это ты, голопузый, в кровати хлеб с сахаром едешь? Крошки потом спать не дадут, ниже спины замучают колоть. Иди лучше к моему деду, твоему прапрадеду и отнеси ему вот этот сверток, да только открывать его не смей, потому как не твоего ума дело, что там лежит, и знать тебе этого не положено.

Положил дед деда Ничыпара сверток на стол и вышел.

Вскочил дед Ничыпар с кровати, к свертку подбежал, руки о пузо вытер, пробует сверток со стола взять, а тот не берется. А не берется он потому что тяжелый очень, хоть и с виду небольшой совсем. «Осмий» подумал Ничыпар. Он уже в те годы свои физикой увлекался, и знал, что Осмий самый тяжелый металл считается на земле. Сел Ничыпар и стал думать, как этот сверток со стола поднять, да в карман положить. И придумал, что если стол резко отодвинуть, и в этот же момент карман раскрыть, то сверток прямо в карман и упадет. Двигает стол Ничыпар, а он ни в какую, стоит себе на месте, как вкопанный. Ага, - думает Ничыпар, - ничего, и на тебя, деревяха деревянная управа найдется. Пошел Ничыпар в сарай, взял веревку, что длинней, к ней еще одну подвязал, и третью – для надежности. Из сарая в коровник шмыгнул, и уже из коровника выезжает на чем бы вы думали? Правильно - на кобыле на хромой, так как кобыла эта любила в коровнике ночевать, да с коровкой ночами про жизнь свою разговоры разговаривать. Кобылка, значит, коровке, - пр-ф-ф, - а коровка кобылке, - м-му-м. Так ночь и коротали.

В общем, подъезжает Ничыпар на кобылке прямо к окну, что из дома во двор выходит, а в окне уж и стол виднеется, и сверток злопакозный. Обвязал Ничыпар кобылку, обвязал стол, карман оттянул. Но-о-о, - кричит Ничыпарка голопузый! Пр-ф-ф, - кобылка ему отвечает, она не выспалась в ту ночь, вот и ленность ее взяла. Но-о-о, - кричит Ничыпар голоском своим детским! А кобылка опять ему отвечает: пр-ф-ф, - и хвостом машет нехотя. Ну, тут Ничыпар и смекнул, что нужно кобылку подождать чем-то, стегануть, то есть. Пришлось опять в сарай идти, но уж из сарая Ничыпар победителем вышел – грудь колесом, пузень, тоже, колесом (это краюха хлеба с сахаром топорщилась), а в руках удочку дедову держит!

Стоит Ничыпар у стола, одной рукой карман оттягивает, а второй, что есть мочи кобылку удочкой по крупу стегает, но кобылка стоит на месте, и даже такое ощущение, что улыбается. В это время дед деда Ничыпара от дел своих возвращался, глядит, а во дворе кобылка стоит, а из окна удочка торчит. Удивился дед деда Ничыпара такому делу, но кто ж знает, чего внук удумал, надо подождать, посмотреть, в чем исследование внуково заключается. Сел дед деда Ничыпара в сторонке на корточки, закурил, да не успел и пол папироски высмалить, как дошло до него, что видимо внук в расчетах ошибся. Сбил дед деда Ничыпара уголек с папиросы мизинцем, окурок в карман пиджака сунул, да как закричит с вопросительной интонацией: а ты прикормил? Кто ж без прикорму-то ловит? Испугался Ничыпар крику такого, думает бежать надо, дед-то деда Ничыпара на руку тяжел, выпорет, как сидорову Козу. А куда человеческая натура в страхе бежит? Правильно, куда глаза глядят, туда и бежит! Вот и побежал дед Ничыпар со всей прыти вперед, то есть прямо в стол. Тут стол и сдвинулся, и сверток с осмием прямо в карман к деду Ничыпару и упал. Думаете, тут и антракту конец, ан нет! На ту беду у деда Ничыпара дырка в кармане была, вот сверток с самым тяжелым металлом на земле прямо на ногу Ничыпару и упал. Ах ты ж Гравитация бессердечная, етить твою душу за ногу, - закричал Ничыпар! И долго потом еще кричал дед Ничыпар, и слезы лил, так как ребенку и поплакать не стыдно, когда тебе осмий ступню покалечил. Вот так с тех пор и кульгает дед Ничыпар на одну ногу, а когда одна нога устает, так он на вторую кульгать начинает. Вот... хотел вам рассказать историю, как деда Ничыпара дедом звать стали, а рассказал, как он кульгать стал. Нравится мне в жизни эта... непредсказуемость.

Действие второе, значит.

Часто бывает, что идешь ты мимо кустарника какого-нибудь, или травы высокой, а из кустарника, или из травы глаза на тебя смотрят, испуганно так, оробело, я бы даже слово применил. Вот с этих глаз второе действие и начинается: утро раннее, еще и не рассвело-то толком, а тут из травы или кустарника, как кошачьи глаза светятся

светом непонятным, да прямо на тебя зыркаючи. Большие глаза, а ресницы еще больше. И как зашуришит трава с кустарником! Как станут ветки ломаться, да трава к земле гнуться! Да как выскочит на поляну... девчушка. Ага, девчушка, как у нас говорят метр с кепкой. Сама босая, но «холосая» (это уж в интернетах так говорят - холосая, когда нравится уж что-то больно). Глаза, как блюдца, как будто инопланетного происхождения, но на обций вид сразу понятно, что нашенская, родименькая.

ПОТЕРЯШКА. Хлебушка, яичка, молочка!.. Хочу... Уф-ф... Голодно, аж пузо к спине прилипает. Быка бы съела... яичком фаршированного. Очень хочется есть. Я бы с радостью сейчас чего-нибудь такого слопала... А ну-к, тише... кажется, идет кто?

Девчушка обратно в кустарник прыг-скок, глазами оттуда блым-блым, и молчок. А тут из-за дуба Ничыпар появляется, из-за березки Серафима, и Вайфая из-за... из-за того, что с ними путь держит.

НИЧЫПАР. Ты уж прости меня, Серафима. За грубость мою.

СЕРАФИМА. Еще за что?

НИЧЫПАР. За черствость.

СЕРАФИМА. Хорошо, еще за что?

НИЧЫПАР. За хамёж мой.

СЕРАФИМА. Это тоже, что и грубость. Давай еще что-нибудь.

НИЧЫПАР. Ну, за нахапинку, да бурость.

СЕРАФИМА. Сам, что ли, слова такие придумываешь? Давай нормально изъяснись.

НИЧЫПАР. Ну... за...

ВАЙФАЯ. Бе-е-е!

НИЧЫПАР. Бессовестность... за бессовестность прости меня, Серафима.

СЕРАФИМА. Хорошо. Дальше.

НИЧЫПАР (*Вайфае*). Давай, жидовская корова, подсказывай, видишь утопну сейчас.

ВАЙФАЯ. Ме-е-е!

НИЧЫПАР. Мелочность, точно! За мелочность меня прости, Серафима!

СЕРАФИМА. Ты мне Вайфаюшку не обижай, коли на самого туполобие напало. А то и не дойдешь до родника своего, тюкну раз в макушку, плешь ты ядовитая, тут и застанешься! Ишь, морда нахальная!

Тут, как чертик из табакерки, выскакивает перед ногами их девчушка, да, и без всякой литературной двусмысленности им и выдает:

ПОТЕРЯШКА. Дай дедушка хлебушка, бабушка яичко, козочка молочка!

СЕРАФИМА. Ой ты! Еще одна - ни стыда, ни совести!

ПОТЕРЯШКА. Вот и ручки мои! Дай дедушка хлебушка, бабушка яичко, козочка молочка! Насыпайте!

НИЧЫПАР. Смотри, вроде малая, а рот разинула, будто арбуз с кожурой проглотит.

СЕРАФИМА. Ты откуда, бесноватая?

ПОТЕРЯШКА. Отовсюда я!

СЕРАФИМА. Как же это – отовсюду?

ПОТЕРЯШКА. Не отовсюду, а отовсюда я! Здешняя.

НИЧЫПАР. А звать тебя как?

ПОТЕРЯШКА. Потеряшка. Дай дедушка хлебушка, бабушка яичко, козочка молочка!

СЕРАФИМА. Дай-дай, а ты полай! Чего ты тут одна делаешь?

ПОТЕРЯШКА. А я, как здесь потерялась, так здесь и живу.

НИЧЫПАР. И давно потерялась?

ПОТЕРЯШКА. Давно. Уж и проголодаться успела. Дай дедушка хлебушка, бабушка яичко, козочка молочка. А то уж и плакать стану. Во, глядите!

Ох, и стала же Потеряшка плакать, да причитать, вопить, да голосить.

ПОТЕРЯШКА. Ой, и что же это жизнь-то понастала-а-а, что дитёв маленьких по лесам-то теря-а-ют, а детям-то в лесу-то жить одним страшнючи-чи-чи, ой, и живут они себе голодаючи-чи-чи. Ой, мамки-то тити-ти-ти не насосавши-и-ся, у отца на руках не накачавши-и-ся. Ай, и что же за житьё-ё-ё-бытиё-ё-ё, если яблонька не уродит, так никто малюточку и не угости-и-т. А мне-то и отроду-то от своего всего-то два светлых денечка и помни-и-тся, как кукушка яичком угости-и-ла, да, как я у волка лосиную ногу отби-ила, из пасти кровавой вырвала. Ой, житьё мое безродное, ой житьё моё голо-о-дное... *(спокойно)* Так что дай дедушка хлебушка, бабушка яичко, козочка молочка.

От воя такого, да информации Вайфая в испуге бутылочку молочка к Потеряшке копытцем и придвинула, а сама за Ничыпара и спряталась.

ПОТЕРЯШКА. А вы чё стоите?

НИЧЫПАР. Да вот, думаю хворостиной тебя отходить, или ремня хватит?

СЕРАФИМА. Помнится, меня моя бабка мокрым полотенцем лупила. Видать хорошее средство, если я его до седых волос помню.

НИЧЫПАР. И полотенцем можно.

ПОТЕРЯШКА. Не можно. Никак не можно.

НИЧЫПАР. Да, как же это не можно, коль ты наглая такая, как танк немецкий, всё прёшь, и прёшь!

ПОТЕРЯШКА. А закон.

СЕРАФИМА. Какой-такой закон?

ПОТЕРЯШКА. А такой, что нас потеряшек безродных, что нас сирот-безотцовных-безматеринных никаким образом нельзя ни ремнём, ни хворостиной, ни полотенцем.

НИЧЫПАР. Серафима, ты про такой закон слыхивала?

СЕРАФИМА. Нет.

НИЧЫПАР. И я нет! Так что...

ПОТЕРЯШКА. А это и ничего страшного, а это ничего и особенного, что вы про такой закон не слышали. Я за это даже на вас и нисколечко и не в обидках, потому как понимаю, что незнание закона от ответственности не освобождает.

НИЧЫПАР. А что ж освобождает тогда?

ПОТЕРЯШКА. Хлебушек, яичко и молочко.

СЕРАФИМА. Гляди, Ничыпар, она хоть и наглая, а все ж, смотри какая холосая. Жаль мне её. А ребёнок, он ведь и есть ребёнок, он и наглеет, и своего требует, да только ребёнком все же и остается. Нельзя нам на неё злиться.

НИЧЫПАР. Может это... может тебе нельзя, а мне, все же, можно, хворостиной-то?

СЕРАФИМА. Нет, и тебе нельзя.

НИЧЫПАР. Деньги хороши считанные, а дети воспитанные.

СЕРАФИМА. Так и повоспитывай, коли она без отца и матери. Она ж тебе сказала, что поретяшка. Не зря люди говорят: на свете все найдешь, кроме отца и матери. Доставай хлеб.

НИЧЫПАР. Вот же ты баба доставучая, Серафима. Мимо б уже прошли.

СЕРАФИМА. Нельзя мимо, ты же сам вчера говорил, что всем помогать нужно, кто в беду попал, и чудищу, и чипекве.

ПОТЕРЯШКА. А кто такая чипеква эта?

НИЧЫПАР. Чудовища такая, африканская.

СЕРАФИМА. На Асфальту, наверное, похожа.

НИЧЫПАР. Ладно-ладно, Серафима. Права ты. Хотя и спешу я.

СЕРАФИМА. Ты мне тут кренделя не выписывай, хлеб доставай, говорю.

Некуда Ничыпару деваться. Да он и сам это понимает, потому, даже и заулыбался ласково. Погладил Потеряшку по голове, руку о пиджак вытер, да и достал из кармана своего платок, на коим любил он закусочку разложить. Постелил его на травичке аккуратно, и давай из рюкзака снедь неприхотливую выкладывает: хлеба корку, сухарик задеревеневший, да чернуху ржаника.

СЕРАФИМА. Ты чего это, скупердьяй-алтынник? Давай доставай, как у нашего человека это положено, а то строишь тут из себя сквалыжника, каких и свет не видывал.

ПОТЕРЯШКА. Ну, гарпагон, что ни на есть!

НИЧЫПАР. Ты откуда слов таких понахваталась?

ПОТЕРЯШКА. От француза одного. На границе встретила.

НИЧЫПАР. Как на границе? Неужто границы сделали?

ПОТЕРЯШКА. Сделали, лохи печальные.

СЕРАФИМА. А ну-ка не выражайся мне тут, а то я тебе быстро рот с мылом вымою. А ты что стоишь, плешь ядовитая, доставай скорее, дитя оголодало совсем.

ПОТЕРЯШКА. Да я и сама ему помогу!

Не успел Ничыпар рот открыть, как Потеряшка все карманы у него облазила, и котомку походную с плеч стянула, да и разложила все что было прямо на платочек Ничыпара любимый, а сама перед ним уселась.

СЕРАФИМА. Руки мыла?

ПОТЕРЯШКА. Так я ртом ем, при чём тут руки?

И дальше чтобы диалога не продолжать Потеряшка быстренько себе рот едой набила. Сидит, жует, улыбается, молочком запивает.

НИЧЫПАР. Гляжу я на неё, Серафима, и думаю, что права ты была, что остановилась. Права.

СЕРАФИМА. Да... Есть в ней, что-то такое... родное, что ли...

НИЧЫПАР. Чужих детей не бывает - не зря так люди говорят.

СЕРАФИМА. Не зря, да только сколько же их таких по свету скитается.

НИЧЫПАР (*Потеряшке*). А что ты дальше делать думаешь, как жить собираешься?

ПОТЕРЯШКА. Так я тут и живу уже. Куда мне идти? Тут вот и буду. Одна-одинешенька. Что уж мне делать, если я ни рода, ни племени своего не помню. Ни отца, ни матери. Так вот и буду одна тут куковать. Безродная.

НИЧЫПАР. Это ты так зря говоришь. Не безродная ты.

ПОТЕРЯШКА. Как это не безродная, если я ни отца, ни мать не помню? И даже если бы они здесь вот мимо прошли, то не узнала бы я их никак. А может вы мои мамка с папкой, просто стесняетесь сказать, вы ж такие старенькие, а я у вас такая благолепная, а?

СЕРАФИМА. Вот ведь, луковка! Прости уж, да не всё в жизни так просто.

НИЧЫПАР. А я знаешь, как тебе скажу, лялечка? Ты вот про ДНК-у слышала?

ПОТЕРЯШКА. Слышала, только мне эти макромолекулы не очень понятны пока, но, думаю, что это в силу возраста.

НИЧЫПАР. Смышленная. Так вот, если по большому счету брать, то вся эта наша ДНК-а идет от Адама и Евы к прародителям нашим и родителям, а потому ты и не безродная, а в первую очередь – человек! Так как родители в детях продолжают.

СЕРАФИМА. Получается, что все мы, в какой-то мере, друг другу родственники.

ГОЛОС. Где родственники?

Тут из кустов какой-то малец, чуть повыше Потеряшки, а внешностью всей своей на одуванчик похожий, волчком выкручивается, и прямо рядом с Потеряшкой, у платочка наземь и брякается.

Где родственники? Кто? Ну, здравствуйте, мои дорогие!

СЕРАФИМА. Не успела кошка умыться, а гости уже приехали...

НИЧЫПАР. Ты кто будешь, не думано не гадано, не чаяно, не ведано, не туда несено, да тут уронено?

НАЙДЕНЬШ. Я - Найденьш! А вы, как понимаю, родственники мои. Нашли? Эх, как я рад!

НИЧЫПАР. погоди. Найденьш, говоришь? То-то ты как гриб сам в лукошко лезешь. Ну-ка, говори откуда ты, Найденьш?

НАЙДЕНЬШ. Вездешний я.

ПОТЕРЯШКА. А я отовсюдава.

НАЙДЕНЬШ. Соседи, значит.

ПОТЕРЯШКА. Угу...

И протягивает Потеряшка Найденьшу яичко очищенное, а сама так уж смущается, что сначала порозоветь, а потом и вовсе разрумяниться успела. А Найденьш руку протянул, да и застыл, как веснушки Потеряшкины увидал. Сидят, как окаменели. Только лыбу дают, нахалята.

СЕРАФИМА. Ничыпар, смекаешь, что тут происходит?

НИЧЫПАР. Провиант проходимцам преподносят?

СЕРАФИМА. Пэ-пэ-пэ, да пэ-пэ-пэ! Негораздок ты, Ничыпар! Смотри, как Потеряшка на него смотрит.

НИЧЫПАР. Смотрю.

СЕРАФИМА. А он на неё как?

НИЧЫПАР. И он на неё смотрит, чего ты ко мне пристала?

СЕРАФИМА. Тьфу, ты, бестолочь божевольная, вот ты, как на пол литру смотришь?

НИЧЫПАР. Ах, ты ж мать твою добрым словом поминаючи, что они, того, что ли?

СЕРАФИМА. Того.

НИЧЫПАР. Ого.

СЕРАФИМА. Вот тебе и ого!

Подошел к ним Ничыпар, на корточки присел между ними, да так, только чтобы не сильно помешать идиллии такой.

НИЧЫПАР. Э, малята, вы чего это, решили вничью сыграть?

ПОТЕРЯШКА. Ой... чего это я...

НАЙДЕНЬШ. Эй... чего это ты...

СЕРАФИМА. Приглянулись друг дружке, что ли?

ПОТЕРЯШКА. Скажите тоже...

НАЙДЕНЬШ. Черт с попом не дружит, поп его обманет.

ПОТЕРЯШКА. Это кто еще кого?

НИЧЫПАР. Тише! Вам-то чего терять, чего ерепениться? Ты Потеряшка, а ты Найденьш! Вот вам и судьба встретиться.

Тут и сказать нечего. Да и правда глаза колет.

СЕРАФИМА. Смотри, Ничыпар, вроде, как насупились друг на друга, да только глаза не обманешь. Чего вы, голубчики, это со всяким бывает. Раз сдружились, так договаривайтесь во век не расставаться.

НИЧЫПАР. У меня в армии друг был, мы с ним не разлей вода всю службу. Эх, друг мой сердечный, таракан запечный. Я на кухне служил. Кашеварил. Так вот, придет ко мне Титан, это так таракана звали – Титан-Таракан, а я ему уже и крошек приготовил, и спирту пол капли. Ох, и импозантный таракан был, девки наши с медсанчасти очень его любили, хоть и таракан. Усищи, как у гусара какого, красивый, рыжий. Только он не любил, когда его рыжим называли. Он всегда говорил: «Я не рыжий, я игрневый, как породистый конь»... да, здоровенный таракан был... мог, как какой гроссмейстер сеанс одновременной игры проводить, только не по шахматам, а по армрестлингу, сразу мог восемь соперников на себя взять... погиб глупо... отравился... наверное, с пола что-то съел... эх... планида, видать, такая...

СЕРАФИМА. Чего это ты о грустном, тут радоваться нужно! Правда Вайфаюшка?

ВАЙФАЯ. Ме-е-е!

НИЧЫПАР. Вот, ребята, дружить, значит вам...

СЕРАФИМА (*перебивая*). Покуда не поймете, что жить друг без друга не можете, а как это время придет, то бегите к нам в деревню, к Батюшке, там процедура не долгая, но на всю жизнь.

НИЧЫПАР. Что ты, Серафима, рано им еще об этом думать.

СЕРАФИМА. Рано не поздно. Что они должны как мы с тобой, всю жизнь без нагрузки на сердечную мышцу прожить?

НИЧЫПАР. Скажешь тоже...

СЕРАФИМА. Потом с тобой об этом поговорим. А вы, молодежь...

НИЧЫПАР (*перебивая*). А вы, желторотики...

СЕРАФИМА. Не перебивай. Вы теперь и живите вместе, и дружбу водите, и ссориться не смейте, а когда всю жизнь душа в душу проживете, то поймете, что большего счастья и не нужно было вам на этом белом свете. Да, и вот наказ еще: детишек родите, как к Батюшке сходите...

НИЧЫПАР. Трех.

ВАЙФАЯ. Ме-е-е???

НИЧЫПАР. Что за вопросы? Что вы все на меня уставились? Если меньше, то государству нашему от такой семьи никакой прибыли человеческой нет, так что трех родить – не меньше. Назовите их Забота, Опека, а младшенькую Лаской.

ПОТЕРЯШКА. Зачем это?

Тут дед Ничыпар прищурился так улыбочиво, и даже в кулак свой немного «крякнул».

СЕРАФИМА. Молчи, не говори им, Ничыпар, почему детей так назвать нужно, пусть они на своей шкуре все испытают, и Заботу, и Опеку, и Ласку.

НИЧЫПАР. Да, когда на себе испытаете, так все сразу сами и поймете. Обещаю.

НАЙДЕНЬШ. Спасибо вам, дедушка Случай, да бабушка Удача!

НИЧЫПАР. С каких это про я Случаем стал?

ПОТЕРЯШКА. Да, как вас бабушка Удача случайно тут остановила, так мы с Найденьшем и познакомились.

НАЙДЕНЬШ. Спасибо вам, Случай, за удачу такую. Спасибо вам, Удача, за случай такой!

СЕРАФИМА. Вот ведь как, Ничыпар, люди говорят: не строй семь церковей, а пристрой семь детей.

НИЧЫПАР. И то правда, Серафима, и то правда... я... это... отойду в сторонку, перекурю...

Отошел Ничыпар в сторонку, все пробует папирску достать, ан-нет, рука чего-то трясется, да ком к горлу подступает, да слеза проклятая сама на ресницу выскочила. Поняла тут Серафима в чём дело.

СЕРАФИМА. Вы давайте, ребяташки, бегите себе, а мы уж поковыляем потихонечку в другую сторону.

НАЙДЕНЬШ. А чего это с дедушкой Случаем стало?

СЕРАФИМА. Все хорошо, слава Богу, просто бывают моменты такие, когда в организме и мыслей и жидкости много, вот они наружу и просятся. Бегите, луковки. А мы пойдем с дедом смерть его искать.

ПОТЕРЯШКА. Как же это смерть?

СЕРАФИМА. Вот так. Всеу свой час приходит. Только вам еще рано об этом думать. Вам сначала нужно все наши наказы выполнить, а там уж сами всё поймете, да решите.

НАЙДЕНЬШ. Не хорошо расстаемся как-то...

ПОТЕРЯШКА. А у меня чувство такое, что и не расстаемся вовсе. Точно где-нибудь встретимся. Вы нам многое сказали, а мы еще не договорили, так что и вам нас выслушать когда-нибудь придётся.

СЕРАФИМА. Бегите, луковки, бегите. Если, как Ничыпар говорит, планида у нас встретиться, значит встретимся. Ну, а если нет, так не поминайте лихом.

Говорит это все Серафима, а сама на Ничыпара глядит, и по голосу её слышно, что уж больно она за него переживает. А Потеряшка с Найденешем в котомку Ничыпарову все аккуратно сложили, платочек отряхнули, и как появились, так и пропали, будто и не встретились они на дороге Серафиме, да Ничыпару. Повернулась к ним Серафима, а их уж и след простыл.

СЕРАФИМА. От, шалопаи, как сквозь землю...

Взяла Серафима котомку, подошла к Ничыпару, да ему протягивает.

СЕРАФИМА. Ну, что, плешь ядовитая, чего разлимонился, идем дальше, смерть твою искать, дурачина ты, великовозрастная.

НИЧЫПАР. Как сказала ты, Серафима, не строй семь церквей, а пристрой семь детей... хоть, на при конце жизни надобность эту выполнил...

СЕРАФИМА. Ты меня своей Заботой, Опекой и Лаской, тоже чуть из колеи не выбил. Как сказал... только не думай, что если мы с тобой бесчадные, так... так ведь в плохой год и дерево не родит, значит, жизнь у нас с тобой такая была, что год от года...

НИЧЫПАР. Идём, Серафима. Тяжелая дума в дорогу не годится.

СЕРАФИМА. Идём, лежа и камень мхом обрастает.

ВЕЙФАЯ. Ме-е-е!

И отправились они дальше в путь. А путь понятие само по себе не короткое. Так что шли они долго, по возможности не останавливаясь, чтобы времени не терять, так как время понятие растяжимое. Пришлось им, конечно, несколько раз остановиться, но тут дело не в усталости вовсе, а в том, что и Ничыпару и Серафиме приходилось смекалку свою показывать, да помощь разную свершать кому она понадобилась. Ничыпар, например, для Скворца подъемник придумал, наподобие лифта, чтобы ежели из гнезда птенец вывалится, так его без труда назад поднять можно было. Очень Скворец благодарен был, а Скворчиха даже птичьим молоком угостила. Серафима тоже от Ничыпара не отставала, дурочка научила ерунду плести, хирурга с милиционером шить, а хурму вязать научила... на свою голову. А Вайфаюшка одному встречному плотнику

даже название магазина придумала: «Мир Ме-е-е-Бе-е-е-ли». Так они и шли по миру бескорыстно раздавая людям, животным, да растениям знания свои, что успели за век свой длинный насобирать, пока не пришли к месту странному.

С одной стороны, в месте этом и странного ничего нет, да только, когда в лесу глухом промеж деревьев илагбаум стоит, так невольно задумаешься, что что-то тут неладное делается. А если уж у илагбаума этого два парня стоят, да автоматами вооружены, так вообще, можно предположить, что странности только начинаются. Один, видно, добрый малый, а второй уж и совсем наизнанку этого понятия, суровый, что нитки.

ОРЛОВ. Доброго денёчка, товарищи граждане. Готовим документики, на проверочку.

ОСЛОВ. В порядке живой очереди стать по росту и красоте. На животное тоже документы готовим, прививки там, паспорт соответствия вашей козы ГОСТу.

НИЧЫПАР. Это что еще за нововведение такое? Я сколько себя помню, так всю жизнь никаких границ не было, вы чего это, ребята?

ОРЛОВ. Вот такое нововведеньеце.

ОСЛОВ. Всё, теперича здесь граница государства нашего! А мы приграничники!

СЕРАФИМА. Так это вы – лохи печальные? Правду Потеряшка говорила.

ОСЛОВ. Что?

ОРЛОВ. Оскорбленьце при исполненьце!

НИЧЫПАР. Тише-тише, никто вас обидеть не хотел. Это так только, слухами земля полнится, без подтверждения. Вы бы представились для начала.

ОСЛОВ. Приграничник старший рядовой Ослов.

ОРЛОВ. Приграничник младший рядовой Орлов.

НИЧЫПАР. А чего это вы приграничники, а не погранични-то, ребятки?

ОСЛОВ. Потому как мы при границе служим, и на границу нам не «по»!

СЕРАФИМА. Уж, тогда награничники... вы же на границе служите?

НИЧЫПАР. А что ж за звания у вас такие странные?

ОСЛОВ. Это потому как мы оба рядовые, а меня товарищ генерал Медведёв за старшего оставили.

ОРЛОВ. Вот и выходит, что он старшенький, а я младшенький.

СЕРАФИМА (*Ничыпару*). Уж больно сладенький этот младшенький. Боюсь, что мягко стелет, да жестко спать придется.

НИЧЫПАР (*Серафиме*). Разберемся. (*Приграничникам*) И что вы тут, ребята, стоите? От нас чего требуется?

ОРЛОВ. Документики на проверочку. Декларацию сначала заполните.

ОСЛОВ. Да пашпарта вынайте! Будем ваши пашпарта на Шент-ген проверять.

СЕРАФИМА. Звучит, как болезнь какая.

НИЧЫПАР. А если нету пашпартов?

ОСЛОВ. Значит и хода нету! Повертай оглобли.

НИЧЫПАР. А для чего, ребятки, границы эти нужны, таможни? Если я человек свободный, зачем мне вам чего-то предъявлять, да показывать?

ОРЛОВ. Потому что установочка у нас такая. Чтобы, вдруг, какой шпиёнчик граниченьку не перешел.

ОСЛОВ. Кто через границу хочет перейти, тот и должен пашпарт предъявить.

НИЧЫПАР. А у вас у самих-то пашпарта имеются?

ОСЛОВ. Имеются.

НИЧЫПАР. И вы их друг дружке предъявляли? Вдруг один из вас шпиён?

Тут-то и задумались приграничники, да не добро так друг на друга смотреть стали.

СЕРАФИМА. Расслабьтесь, окаянные, вот ведь недоверки мокроносые. Вы мне лучше вот что скажите, вы что, и в правду думаете, что коли мы шпиёны, так у нас это и в пашпартах прописано будет?

ОРЛОВ. Так точненько.

СЕРАФИМА. Осел ты, Орлов!

ОСЛОВ. Вот ведь... а на этот счет у нас инструкций нет никаких... тогда хоть декларацию предъявите.

ОРЛОВ. По-любасику не можем мы вас без декларации через граниченьку пропустить.

НИЧЫПАР. Что ж за беда такая, весь мир к объединению движется, а мы границы придумываем, столбики, да шлагбаумы ставим. Всю жизнь без границ, да таможен жил, а тут на старости лет и помереть не дойти. Что мне декларировать, когда я всю жизнь, что имею раздаю. У меня из собственности челюсть вставная, да махорка с собственного огорода.

ВАЙФАЯ. Тьфу!..

И выругавшись по-козьи, достала из нагрудного кармана своего Вайфая пашпарт.

ОСЛОВ. Пашпарт государства нашего, выданный Серафимовой Вайфае во избежание нелепых случаев распознавания личности, и спорных моментов с управляющими органами и прочими начальниками.

ОРЛОВ. Сей пашпарт подтверждает, что от первого января по тридцать первое декабря (включительно) любого года коза Вайфая является козой бабы Серафимы, которая, в свою очередь, ничего злого и корыстного против общества не замышляет, а имеет рогатое парнокопытное животное семейства полорогих ради питания общества молоком и утепления козьим пухом.

СЕРАФИМА. Особые отметки: детей нет, но по прошлой весне награждена орденом почетного донора, за высокие показатели надоев. Является внештатным сотрудником спецслужб государственной надобности, и корреспондентом журнала «Наука и общество» Пашпарт выданы председателем селения Верхние Низы.

НИЧЫПАР. Приписка: Не пшиён. Тчк.

После слов этих Вайфая даже подросла немного, и не только в глазах Ничыпара и Серафимы, но и в глазах приграничника Орлова. А вот в глазах приграничника Ослова, кажется, даже немного уменьшилась, потому как блеск нездоровый в его глазах образовался, а может это от микроинсульта капилляры в глазах полопались, что дела, в принципе, никак не меняет.

ОСЛОВ. А печать в пашпарте где? А дата выдачи и личный номер, биометрические данные? Липку вы нам подсовываете!

ОРЛОВ. И приписочка, главное, «не шпиён», видать впопыхах пашпарт подделывали! Да у нас тут бандочка мошенничков!

ОСЛОВ. А ну-ка лицом к шлагбауму стали, ноги на ширине плеч.

ОРЛОВ. Рученьки с копытцами на шлагбаумчик положили!

Первой обыскивать Серафиму стали, так как она, само что ни на есть, с краю стояла. Как почувствовала Серафима руки мужские на бедрах своих, так без лишних разговоров оплеуху приграничнику Ослову и вытисала.

Приходилось ли видеть вам, как красиво кружась вокруг своей оси опадает багряно-янтарный кленовый лист? Как он, подхваченный свежим, чуть морозным дыханием почти зимнего ветерка, грациозно стремится к земле, дабы укрыть собой жаждущую

тепла землю? Так вот, падение приграничника Ослова было совсем не похоже на описанный выше танец природы, а шмякнулся Ослов, как куль с... с... с звуком «шмяк».

ОСЛОВ. Шмяк.

ОРЛОВ. Непорядочек! Всем оставаться на своих местах, сейчас я, только затворчик автоматика взведу!

НИЧЫПАР. Постой, Орлов, обожди! Он же сам виноват! Ну, кто ж бабу за бока просто так хватает? Тут или темноты дожидаться нужно, или музыки! Эх, вы, пеленашки, всему вас еще учить, да учить.

ОСЛОВ. Удар судьбы... ёсый-босый...

НИЧЫПАР. Давай-ка, вставай, Ослов.

ОСЛОВ. А что было-то?

НИЧЫПАР. Что было, то прошло. Кто, как говорится, старое помянет... Да и никакие мы не мошенники, граждане приграничники.

ОРЛОВ. Как же это не мошеннички, а пашпарт кто подделал?

СЕРАФИМА. Да никто его не подделывал. Председатель у нас без образования, второй год на второй год остается, всё школу никак кончить не может.

ОСЛОВ. Как наш генерал Медведёв, один в один.

СЕРАФИМА. Но пашпарт-то настоящий!

ОСЛОВ. Хорошо. Козу пропустим. А вы вертайтесь восвояси.

СЕРАФИМА. Как же это? Так не пойдет. Я Ничыпару слово дала, что до смерти его доведу. Так что мы все должны пройтить!

ОРЛОВ. Не положено.

НИЧЫПАР. Не положено, так накладено! Давайте братцы так, если я вам докажу, что никаких границ не существует, что вольному человеку любая граница и не препятствие вовсе, а так, пшик на морозе, то вы нас пропустите, и никак останавливать не сможете!

ОСЛОВ. Как же это ты так сделаешь? Границу не дураки придумали. Это же пространственный предел действия государственного суверенитета!

НИЧЫПАР. Ну вот, а если я это предел смогу силой духа своего и мысли пересечь, как ты на это посмотришь? Ну что, рискнешь поспорить?

ОРЛОВ. Опаньки, такого я еще не видел! Риск - дело благородненькое!

ОСЛОВ. Спорю!

НИЧЫПАР. Ну, тогда разошлись в сторонку от шлагбаума, чтоб своим биополем мне тут ничего не нарушить.

Разошлись от шлагбаума приграничники, да и Серафима с Вайфайей все бочком, да бочком от него. И остался Ничыпар один на один с соперником своим, светоотражающей краской сикось-накось размалеванным.

Опустился Ничыпар перед шлагбаумом на колени, поклонился ему так, что шапка заячья земли коснулась, посидел склонившись перед врагом, что самурай, а потом медленно-медленно, шепча чего-то, подниматься стал.

Поднимает Ничыпар голову, и шапка его поднимается, и шлагбаум поднимается в нескольких сантиметрах от шапки, и все выше, и выше, и выше, пока не встал Ничыпар во весь рост, а шлагбаум над головой его не застыл покорно. Повернулся Ничыпар к приграничникам царственно, а те, рты пооткрывавши, стоят, да снизу-вверх, да слева-направо крестятся, потому как в эту минуту мир их перевернулся.

НИЧЫПАР. Вера и гору с места сдвинет. Ступайте ко мне Серафима, да Вайфая, да станьте за спиною моей во шагах нескольких.

Зашли Серафима с Вайфаей за спину Ничыпару, тот шаг назад сделал, и упал шлагбаум на опору для стрелы ейной. Вот те крест! Повернулся Ничыпар к приграничникам, да молвил величественно:

НИЧЫПАР. Математика – царица наук, но служанка Физики! (Серафиме) Пойдем скорее, пока они не дочухали что произошло...

Так они и скрылись в лесу, а точнее сказать растворились, а еще лучше – рассеялись, как видение. Подошли приграничники к шлагбауму, пали пред ним наземь, поклонились, стали головы поднимать, да только макушками о шлагбаум и тюкнулись.

ОСЛОВ. Ох, едрён-матрён!

ОРЛОВ. Ох, едрёнушка-матрёнушка!

Так и остались сидеть приграничники пытаясь подчинить всё увиденное логике, но долго еще не могли они этого сделать, так как сами они были ума не большого... но и не малого, а, так сказать, среднестатистического, потому как у нас на ответственные работы кого попало не берут.

А в лесу в это время Серафима за Ничыпаром попевает, и ажно в рот ему заглядывает, что на границе произошло узнать хочет. А Ничыпар молчит. Идёт и молчит, только брови насупил. Она и так к нему, и вот так, а тот молчит и идёт, но вдруг остановился резко и сказал в мыслях своих:

НИЧЫПАР. Херня какая-то!

И дальше зашагал.

СЕРАФИМА. Так расскажи толком, как ты шлагбаум одолел?

Остановился Ничыпар.

НИЧЫПАР. Ничего понять не могу.

И дальше зашагал. Так они, то останавливаясь, то дальше идучи, и говорили.

СЕРАФИМА. Вот плешь, вот ведь плешь ядовитая, набрал в рот воды и молчит, как рыба об лед.

НИЧЫПАР. Да что я тебе скажу, когда сам ничего не понимаю... То, что я опыты разные люблю, так ты это с детства знаешь.

СЕРАФИМА. Ну, знаю, с детства знаю, что ты ненормальный на всю голову, как вобьешь себе что-нибудь, так и батогами не выбьешь.

НИЧЫПАР. Недель, может, с пару назад, прочел я, что магнит может дугу электрическую от себя отвести, только до конца этого не доказано, так как опыт этот еще в 19-ом веке проводили, а потом чего-то перестали. Так вот, вшил я себе на всю окружность шапки магнит, чтобы меня молния не покалечила, пока я буду шаровую молнию в банку ловить, для потомков.

СЕРАФИМА. Эту вот дуратень твою я никогда не понимала. Ладно, когда ты на ручку колодца мехову лапу причепил, чтобы, пока ведро тянешь, можно было одновременно кошку гладить...

НИЧЫПАР. А тут, когда нас к шлагбауму приставили, я его рукой трогаю и понимаю – латулька. Шлагбаум из латуни, будто они его из карниза от штор состряпали, хлипенький, как иммунитет по весне. А латунь - это что?

СЕРАФИМА (*засмуцавшись*). Ну, знамо что, что ты спрашиваешь?

НИЧЫПАР. Вот и не знаешь, а латунь – это диамагнетик! А диамагнетики от магнита отталкиваются, смекаешь к чему веду?

СЕРАФИМА. Да ясно, как божий день. Оттолкнул магнит латуньку, делов-то.

НИЧЫПАР. Да, вот только иду я сейчас, и подсчеты веду, и получается, что напряженности магнитного поля, индукции магнитной, холера её дери, ну никак бы не хватило на то, чтобы шлагбаум сдвинуть. Может я его того... силой мысли сдвинул... верой... может я того... просветлился? У меня сейчас всё тело, знаешь, как будто все чувства обострены, я как кошка сейчас.

СЕРАФИМА. Кот ты шелудивый, вот ты кто.

НИЧЫПАР. Да нет же. Вот ты, Вайфаюшка, скажи что-нибудь.

ВАЙФАЯ. Бе-е-е!

НИЧЫПАР. И я вот думаю, что правда. О, Серафима, я сейчас даже язык животных понимать стал. А ты, старая, не веришь.

СЕРАФИМА. Зубы не заговаривай, знаю я тебя!

НИЧЫПАР. Правду тебе говорю, я сейчас как рентген, как флюорограф какой... будто насквозь всё вижу, и землю, и деревья, и жизнь нашу, Серафимушка, как будто и тебя вижу, и себя одновременно, и прошлое вижу, и настоящее вижу, и будущее...

СЕРАФИМА. Потому как пришли мы с тобой. Смотри, Ничыпар...

И кажется, что говорит Серафима, а вроде, как речь её и замедляется. И стоит Серафима и не жива, и не мертва, потому как понимает, что скоро расставаться придется. Стоит и рукой на родник указывает. А чуть поодаль от неё из земли родник бьет, его-то с первого взгляда в траве и рассмотреть сложно, да, видать, Серафима его сначала сердцем почувствовала, вот взор свой и повернула в ту сторону.

НИЧЫПАР. Он... он, Серафимушка... Его во сне видел... Вот и довела ты меня, любезная...

СЕРАФИМА. Ой... так, и что же это теперь...

НИЧЫПАР. Не знаю я, как в таких ситуациях поступают... а ж первый раз умираю.

СЕРАФИМА. А чего же ты улыбаешься, Ничыпар...

НИЧЫПАР. И этого не знаю... спокой какой-то на меня нашёл... вроде, и пусто внутри, а вроде, и по самое горлышко... а тихо то как...

ГОЛОС. А тут громко и не бывает. Здесь всегда тихо.

НИЧЫПАР. А ты, Серафима, откуда это знаешь?

СЕРАФИМА. Так молчала я...

НИЧЫПАР. А кто же ответил мне?

ГОЛОС. Я и ответил – охранитель родника этого, Чипекве.

НИЧЫПАР. А отчего же ты не покажешься нам, Чипекве?

ЧИПЕКВЕ. Да, опять засмеёте, знаю я вас людей.

НИЧЫПАР. Выходи, чудища, не засмеём, не до смеху нам сейчас.

И выходит Чипекве из зарослей... ну, как вам сказать... толи динозавра с русской борзой помешанная, а толи и слов для его описания еще в языке нашем не придумали.

ЧИПЕКВЕ. Здравствуй, Ничыпар.

НИЧЫПАР. Ждал, значит, охранитель?

ЧИПЕКВЕ. Да, знаешь, работенка не пыльная, сидишь себе на одном месте, ждёшь.

СЕРАФИМА. Вахтер, что ли?

НИЧЫПАР. Сама ты вахтер. Это же должность мирового значения!

СЕРАФИМА. То-то, важный такой... как беспорточник, на паперти.

ЧИПЕКВЕ. Да, вроде должность ответственная, а кормят не важно. Козу вашу, случайно, съесть нельзя?

СЕРАФИМА. Нет.

ЧИПЕКВЕ. Ну, на нет и суда нет.

НИЧЫПАР. На вот, подкрепись, только там сухари одни остались.

ЧИПЕКВЕ. И сухари сгодятся.

Протянул Ничыпар свою котомку Чипекве, тот на камушек уселся, сухарями молча хрустит. Да и Ничыпару с Серафимой тоже в таком случае сказать нечего, да и слова в такие моменты подобрать сложно.

ЧИПЕКВЕ. Ну... погода как у вас?..

НИЧЫПАР. Нормально...

ЧИПЕКВЕ. Ага...

И снова пауза образовалась неловкая. Похрустел Чипекве еще немного.

ЧИПЕКВЕ. А у нас вот, на прошлый уик-энд...

Да осекся... понял, что не к месту сейчас разговоры разговаривать.

ЧИПЕКВЕ. Ладно, я в сторонку отойду, вы попрощайтесь. Простите, Серафима, что вот так вот, только у нас тут тоже правила, так что вы уж не долго.

СЕРАФИМА. Да нам-то что... мы за всю жизнь обо всем уж переговорили...

ЧИПЕКВЕ. Ага... я сухариков возьму немножко, про запас?

НИЧЫПАР. Ага...

Скрылся Чипекве меж деревьев, да и Вайфая куда-то скрылась, и солнышко, что через ветки на полянку проглядывало, тоже. Сделал Ничыпар шаг на встречу Серафиме. И Серафима шаг на встречу Ничыпару сделала. Остановились на пионерском расстоянии. Помолчали немного.

НИЧЫПАР и СЕРАФИМА (одновременно). Ты уж прости меня за все что я не так сделал(а)... Давай я начну... хорошо... не могу я так...

И так сердечно Ничыпар с Серафимой обнялись, что всплакнули вокруг и деревья, и тучки, и... Чипекве. Он, подлец, из-за деревьев наблюдал.

НИЧЫПАР. Прости за всё.

СЕРАФИМА. И ты меня прости.

НИЧЫПАР. Прощай.

СЕРАФИМА. Прощайся, да обещай, что встретимся.

НИЧЫПАР. Обещаю. Вот тебе моя верительная грамота, что буду ждать тебя.

СЕРАФИМА. Да, и не долго ждать.

НИЧЫПАР. Сколько нужно, столько и прожду. Прощай.

СЕРАФИМА. До встречи, плешь ты ядовитая.

Повернулся Ничыпар к роднику, и решил, что вот и пришло оно то время, когда в первый и последний раз вступит он в воды его... да, только не пускает вода ноги, словно студнем застыла...

НИЧЫПАР. Что такое... Чипекве, не пускает меня родник к себе...

ЧИПЕКВЕ. А, забыл сказать, бывает такое.

СЕРАФИМА. Что значит бывает? Мы шли-шли, а тут внештатная ситуация?!

ЧИПЕКВЕ. Нет. Это означает, что что-то не доделал ты, Ничыпар, на этом свете, дела у тебя еще какие-то, может в библиотеку книжку задолжал, иль наоборот, от тебя кому-чего нужно... да, тут, кстати, посетители к тебе.

И стал на поляну народ выходить. И Председатель с Батюшкой под ручку, Ещепару-Человек, как полагается в двоём, и братья Агашенька, да Угушенька, и Кхым с Нуэтотемь рядом. Охотник приковылял, а ему, как раз, приграничники Ослов да Соколов помогают. Ну, и Потеряшка с Найденьшем, как украшение. Вышли все, да улыбаться стараются ласково, хотя по каждому видно, что с грустинкой улыбка эта.

НИЧЫПАР. А, люди добрые, да неужели и вам сны вещие снятся?

ОСЛОВ. Никак нет, мы проститься пришли.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вот чего-то сидел себе, табель госзакупок составлял, и меня будто руками к тебе понесло.

ОХОТНИК. Какие-то слова тебе захотелось еще сказать...

ПОТЕРЯШКА. Я же говорила, что еще встретимся.

НИЧЫПАР. Ну, рад я, что вы всем миром проститься пришли.

ЕЩЕПАРУ-ЧЕЛОВЕК. А как не прийти, взяли, да пришли... ага, сначала левую ногу вперед переставляешь, затем правую... а потом заднюю левую, несёшь, как всегда окоlesiцу... сам бы помолчал, сам-то ничего путного сказать не можешь... у меня сейчас кулаки с тобой заговорят... ох ты, собака бешенная, а ну пойдём за мной!..

Проводили люди взглядом Ещепару-Человека, заулыбались.

АГА. Мы с поклоном к тебе...

УГУ. Благодарностью...

КХЫМ. Да признательностью...

НУЭТОТЬ. В ножки кланяться пришли.

НИЧЫПАР. Да за что же кланяться вам, человеки?

НАЙДЕНЬШ. За нас кланяться и будем, за нас и благодарить.

НИЧЫПАР. Так вы – это вы и есть, я-то тут причём?

БАТЮШКА. Потому как ты в нас во всех что-то новое зародил. Зерно какое-то в нас до этого не прораставшее.

ОРЛОВ. А теперь проросло что-то в нас такое... вот с этим и пришли к тебе.

НИЧЫПАР. Да что там прорасти могло, мелочи это всё...

ОХОТНИК. А из мелочей жизнь и состоит.

БАТЮШКА. Маленькие слова составляют вместе большие мысли, а маленькие поступки – подвиги.

АГА. Не знаем, Ничыпар, как отблагодарить тебя, потому что человеку у которого всё есть...

УГУ. Человеку миром наполненному, и для мира живущим...

КХЫМ. Ну, какая ему благодарность нужна?

НУЭТОТЬ. Нуэтоть, я кажись понял... если Ничыпар, частичка его, в нас жить останется – вот и благодарность наша.

НИЧЫПАР. Да мне и того хватит, если вы обо мне, когда-никогда вспоминать будете.

ПОТЕРЯШКА. Будем, дедушка Ничыпар, будем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Музей открою!

СЕРАФИМА. Рот закрой! Видишь, Ничыпар, как все поворачивается, еще вчера ты бобылем был бездетным, а теперь гляди сколько глаз на тебя смотрит? Вроде и жил всю

жизнь, как сам хотел, да понимал, а оказалось, что всё во благо тех кому ты на пути встречался. Эх, плешь ты ядовитая, чудак-человек, всю жизнь чудачил, да нигде не напортачил. Иди давай, долгое прощание ни к чему тут.

ЧИПЕКВЕ. Да, пришедшего не прогоняют, а уходящего не задерживают.

Поклонился люд Ничыпару в ноги. А он им в ответ, тоже, до самой до земли. Повернулся к роднику, и решил, что вот и пришло оно то время, когда во-второй и последний раз вступит он в воды его... да, только не пускает вода ноги, словно студнем застыла...

НИЧЫПАР. Опять чего-то не доделал...

ЧИПЕКВЕ. Вспоминай. Может уютю дома не выключил, или червонец кому должен?

НИЧЫПАР. Да и не знаю уж...

Подбежала тут Вайфая, да что-то на ухо Ничыпару прошептала.

НИЧЫПАР. Что ты, Вайфая... как же это можно... не удобно... да и не к месту сейчас... в такие моменты, да о таком думать...

СЕРАФИМА. Да согласна я, коли ты согласен...

НИЧЫПАР. Ну... оно как бы... это... в общем... ты бы, Батюшка обвенчал нас... что ли...

БАТЮШКА. Вот, Серафима, не пропала, а на руки попала. Что ж, можно и так.

Обрадовался люд, засмеялся. Потеряшка венки своей Серафиме преподнесла, а Вайфаяшка уж из-за пазухи и кольца достаёт, готовилась, шельма, всё наперед знала.

БАТЮШКА. Думаю, тут и без лишних вопросов можно обойтись. Вы же и так согласные?

НИЧЫПАР. Согласны.

СЕРАФИМА. Дождалась, тебя, увальня хромоногую.

БАТЮШКА. Так и обменяйтесь кольцами, раз согласные! А ты, Председатель, доставай вина четвертушку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как говорится, от лица администрации...

Перелил Чипеква вино в кубок, да молодоженам преподнёс. Осушили они кубок попеременно каждый в три глотка до доньшка.

БАТЮШКА. Вот чаша ваша – общая судьба, с радостями и горестями. И быть вам теперь рука об руку всю жизнь.

Соединил Батюшка правую руку Ничыпара с правой рукою Серафимы, а тут уж и все поздравлять стали, радоваться, да веселиться. А после обняла Серафима Ничыпара, лицом своим ему в плечо уткнувшись, да стояла так долго, об чём-то своём думая. А потом в глаза ему и сказала:

СЕРАФИМА. Вот ведь... как ты там говорил... Планида... всего-то в жизни и было – крещение, свадьба, могила. А хоть и так. Ни о чём не жалею, и жалеть не стану. Хоть и не по-людски, да как есть! Найдём мы с тобой ещё время, на всё найдём... Теперь и я спокойна. Теперь и я... и тебя вижу, и себя, и прошлое, и настоящее, и будущее. Ступай.

Хотел было Ничыпар сказать что-то на прощание, да...

ВОЛК. Ага! Здесь! Клац-клац!!! Съем! Всех съем! Обманщик тут! И обманщица тут!
И коза ихняя!!! Съем, как пить дать!

ОСЛОВ. Это кто тут непорядки разводит?

ВОЛК. Они! Они меня! Клац-клац! Обманули! Съем!

ОХОТНИК. Тише ты, плешивый. В такие моменты всё прощать нужно.

ВОЛК. Не прощу! Два дня искал! Съем обидчика! Никакие! Никакие моменты меня не остановят!

ОХОТНИК. Тише, тебе говорят. Человек на смерть идёт. Нельзя ему теперь мешать.

ВОЛК. Как на смерть?

БАТЮШКА. А вот так. Ради жизни вечной.

*И в подтверждении слов этих передернули приграничники затворы.
Остановился Волк. Притих. Подошел к нему Ничыпар.*

НИЧЫПАР. Ты прости меня, братец. Да, и вы, люди, простите, коли что не так я для вас сделал. А я вам, в свою очередь, свою благодарность высказываю. Потому что все вместе по жизни шли, и все вместе друг друга уму-разуму учили. Человек только думает, что он одинок, да только каждое слово соседское, каждый шаг, чему-нибудь, да учит, и изо дня в день жизнь твою меняет, а уж в какую сторону, то это вам решать. Спасибо вам. И прощайте.

*Подошел Ничыпар к Серафиме. Обнялись они. Расцеловались, как родные люди.
Повернулся он к роднику, а тот светом каким-то чудесным светиться стал, и решил Ничыпар, что вот и пришло оно то время, когда в третий и последний раз вступит он в воды его... шагнул Ничыпар в родник, и озарился тот светом Божественным, ярче лучей солнечных, да так, что отвернулись люди от него на секунду, а как назад повернулись, так и не было уже Ничыпара в роднике, только круги по воде бежали, как будто улыбка на устах его.*

Молчание наступило, только лес шелестит.

СЕРАФИМА. Каво нету – таво девке жаль, да,
Ой, уяжжжал мой разьмилай в даль.

*Уяжжжая мой разьмилай в даль, да,
Ой, уяжжжая, милай, оставляя, да,
Ой, мне подарок новай, дорогой.*

ПОТЕРЯШКА. Дядя Чипекве, а что же получается, мы когда-нибудь все в этот родник уйдем?

ЧИПЕКВЕ. И родник это, и исток. И начало, и конец. И бесконечное кружение.

СЕРАФИМА. Мне подарок новай, ох, дорогой, да,
Ой, да уж какой жа эта за подарок, да,
Ой, с руки перстень новай, золотой.

НАЙДЕНЬШ. Значит, родник этот и входом является, и выходом?

ЧИПЕКВЕ. Не совсем так. Родник этот... неиссякаемый ручей воспоминаний о делах благих...

СЕРАФИМА. Ой, с руки перстень новай, ох, золотой,
Ой, на рученьке кольцо носила, да,
Ой, на ночь в головы, ох, да, клала.

ЧИПЕКВЕ. Начинается всё с едва заметного маленького родника, с маленькой струйки дел твоих, к которой всё присоединяются и присоединяются слова и поступки и мысли, формируя ручеёк, а затем уже и речные потоки...

*СЕРАФИМА. На ночь в головы клала, да,
Ой, по утру ранехонько вставала.
Ой, заливалась слезам, да, ой, да,*

ПОТЕРЯШКА. А затем и большие реки?

ЧИПЕКВЕ. Некоторые и в крупные реки, а благодарность других людей становится для них притоками, для дел более крупных... благое дело, всегда себе путь проложит, пойдет от маленькой бороздки, и дальше, дальше, дальше... от поколения к поколению, во все времена...

*СЕРАФИМА. Заливалась же горькой, ой, да, слезой
Ой, почему да девка заливалась, да,
Ох не видела мила я дружка... ой...*

Конец.

Минск 2017г.
Dm.bgslysk@gmail.com
+375 29 572 79 19